

ЕВГЕНИЯ САРОНОВА

КУКОЛЬНАЯ
КОРОЛЕВА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрация на переплете *Анны Лужецкой*
Дизайн обложки и внутреннее оформление *Кати Тинмей*

Сафонова, Евгения Сергеевна.
С21 Кукольная королева / Евгения Сафонова. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-119323-2

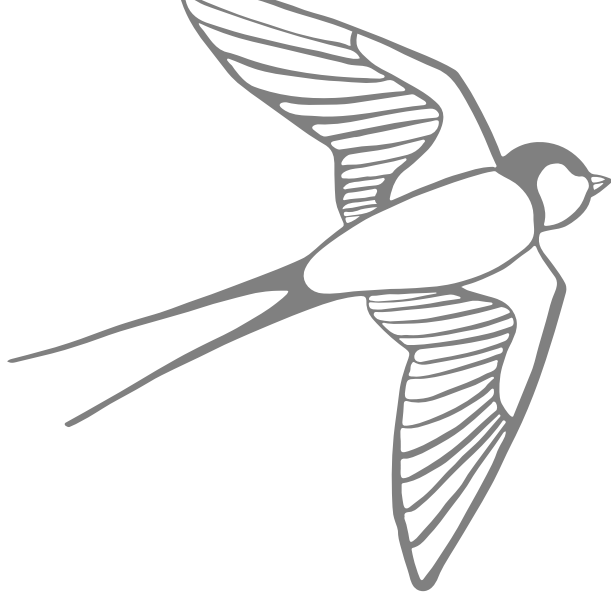
Всего один оборот часовой стрелки может превратить счастливую жизнь в страшную сказку. Вчера ты тихо жила в маленькой деревеньке. Сегодня — отправляешься в странствие, из которого можешь не вернуться. Потому что один жестокий маг решил развеять скуку и поиграть. В людей.

Но сложно победить в игре, правила которой неизвестны. Особенно когда тебе шестнадцать. Особенно когда ты оборотень, и в случае разоблачения тебя ждёт костёр. Особенно когда ты дочь свергнутой принцессы, которая скрывается от узурпатора. Особенно когда другой незнакомец, который приходит тебе на помощь, недоговаривает что-то очень важное.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119323-2

© Сафонова Е. С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается
моей маме и Анне Полянской,
а также всем, кто ушёл слишком рано,
и всем, кому хочется шагнуть вслед за ними.

Мам, мне жаль, что ты
не возьмёшь эту книжку в руки.

Ллио, мне жаль, что мы
не смогли поработать над ней вместе.

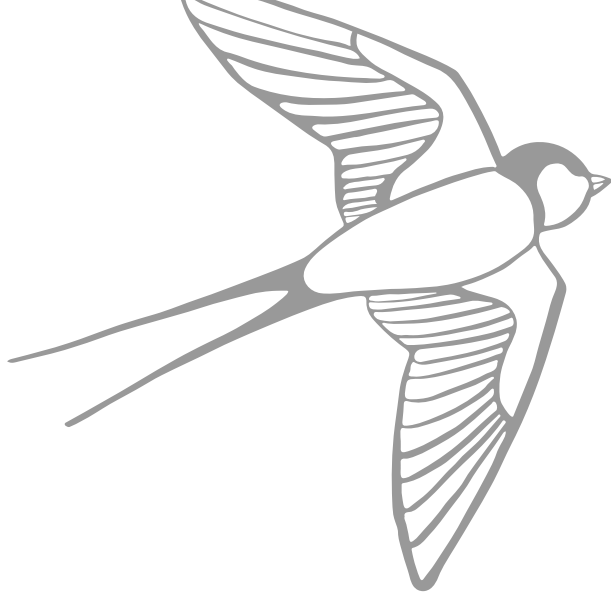
Книга первая

**Зеркала
и
дороги**

*Сказки — больше, чем правда,
не потому, что в них рассказывается
о существовании драконов,
а потому, что они говорят нам:
драконов можно победить.*

Г. К. Честертон

Он пришёл на закате, когда умирающий свет патокой переливался через горы. Он спешился у плетня, и подошвы его сапог коснулись дорожной пыли без единого звука. Он оглянулся: деревенские улочки вымерли. Даже если б стрелки часов не приближались ко времени вечернего чая — здесь, на окраине, всегда было безлюдно.

9

Он положил руку на калитку, толкнул легонько. Скользнув в щель, ступил на мощённую камнем дорожку и бросил через плечо:

— Я позову.

Двое наёмников уже спрыгнули наземь. Держа руки на эфесах клинков, они косились за плетень, на деревенский дом с белёными стенами — светлый островок в зелёном море яблоневых крон. А он поднимался на дощатую террасу по невысоким ступеням крыльца, и ветер нёс ему в спину обрывки шёпота:

— Те самые Фаргори...

— ...так самоуверен...

— ...знает, что никто не увидит?

— Если и увидит, то пожалеет...

Он коротко стукнул в дверь.

Шагов хозяйки дома он не услышал. Не мог услышать. Но скоро его стук удостоили настроженным откликом.

— Кто там?

В вопросе звенели нежные переливы альвийских флейт.

— Боюсь, мой ответ вам не понравится, — он улыбнулся, — Ваше Высочество.

Тишина за дверью обернулась полной противоположностью звука.

— Ваше Высочество... — Он прижался щекой к некрашеной двери; дерево было тёплым и сухим, оно грело, словно стынущая печь. — Обойдёмся без шума. Мне нужна ваша дочь. Отдайте её, и вас никто не тронет.

— Принцесс в этом доме нет, — её голосом можно было колоть лёд. — Я из семьи сидроделов Фаргори, что живут здесь испокон веков. Убирайтесь, пока я не...

— Ваша выдержка достойна восхищения, но в этой игре вам выпали плохие карты. Никто не выйдет из дома, пока я того не захочу. Если не откроете дверь, я открою её сам.

— Вы угрожать явились? Я громко кричу, и стоит мне крикнуть...

— Даже если вас услышат, это изменит лишь то, что сегодня умрёт парой человек больше. Или десятком. Какая разница. — Он отступил на шаг. — Я не шутить явился, Ваше Высочество. Чем скорее вы это поймёте, тем лучше.

Когда она заговорила вновь, голос её звучал глухо.

— Оставь мою дочь, и я пойду с тобой. Куда угодно. Тебе нужна я, не она. Таша ничего не знает, клянусь, она...

— Таша? О, нет, я пришёл не за ней. Речь идёт о младшей. Лив.

— Лив? Но...

Она запнулась, и его улыбка стала шире.

— Неожиданно, правда? — сказал он, когда молчание затянулось. — Отдайте нежеланную дочь — будете жить. Вы бы и сами хотели, чтобы она исчезла, признайтесь.

— Кто ты? — она почти шипела. — Откуда знаешь...

— Я знаю больше, чем вы думаете, Ваше Высочество. Все ваши большие и маленькие тайны. Но ваши вопросы останутся без ответов.

— Зачем тебе Лив?

— Что я говорил насчёт вопросов? Впрочем, одно исключение могу сделать... из уважения к вам. Скажем так, я задумал одну забавную игру, и вашей дочери в ней отведена весьма почётная роль. — Он подал знак двоим за плетнем. — Так откроете?

Две тени прочеканили шаги по каменной дорожке, прохрустели по рассохшимся ступенькам, чтобы встать за его спиной.

— Нет.

Яблони шелестом взволновались на ветру.

— Благодарю, Ваше Высочество. — Он склонил голову. — Вы меня не разочаровали.

Он не шепнул таинственные слова. Рука его не взметнулась в замысловатом пассе. Казалось, он не сделал ровным счётом ничего, но дверной засов с той стороны поднялся вверх.

Когда дверь распахнулась под порывом неощутимого ветра, за ней никого не было.

Он шагнул в пустую прихожую: коврик на дощатом полу, рогатая вешалка у бревенчатой стены, три двери в жилые комнаты. Взглянул под ноги. Мыском сапога поворошил серый ком сброшенного платья.

— Перекинулась... значит, в прятки играем? — Он кивнул на дальнюю дверь. — Она там.

Клинки выскользнули из ножен почти беззвучно. На серебряном покрытии блеснула закатным багрянцем тонкая рунная вязь.

Две тени скользнули вперёд одновременно с тем, как дверная ручка провернулась невидимой ладонью.

Всё случилось быстро — разговоры и предупреждения остались позади. Она просто атаковала, они просто защитились; когда чёрная волчица упала к ногам наёмников, с лезвий ртутными шариками скатилась кровь.

Ни визжать, ни скулить она не стала. Даже от ран, нанесённых «нечестивыми» клинками.

Вместо неё завизжал кто-то другой.

— *Мама!..*

Когда девчонка, метнувшись из-под кровати, кинулась на наёмников с кулаками, с его губ сорвался смешок.

Смелая девочка. Глупая девочка. Ведь не оборотень, не маг: просто маленький человечек, которому мать велела спрятаться и сидеть тихо...

Хотя толку-то.

...а за много вёрст от светлого дома и яблоневого сада, по облитой закатной глазурью дороге бежала рысью каурая кобылка.

Безлюдный тракт убегал в пылающий горизонт, и компанию всаднику составляла лишь тихая песня цикад. Мужчина, сгорбившийся в седле, казался дремлющим — до мгновения, когда цветущая лебеда на обочине тихо всколыхнулась. Очень странно всколыхнулась: двумя полосами, которые на миг пролегли и тут же сгладились в травяном море.

Лошадь повела мордой по ветру. Встревоженно стригнула ушами воздух. Всадник не встрепенулся, даже не выпрямился — лишь чуть повернул голову.

Вглядевшись в заросли лебеды, вымахавшей в человеческий рост, он медленно протянул руку за спину, к ножнам с мечом.

Лебеда глухо, бесконечно злобно зарычала в ответ.

Лошадь понесла в миг, когда трава выплюнула две мохнатые тени. Лошадь понесла, когда звери уже взвились в прыжке. Лошадь понесла безнадежно поздно...

...но всё это было далеко.

А здесь и сейчас в доме смолк детский крик.

Вскоре трое всадников пустили коней галопом: по ниточке просёлочной дороги к ленте тракта, уползавшей за кромку пшеничных холмов, прочь от яблонь, шепчущихся вокруг мёртвого дома.

Он не оглядывался. Он смотрел в небо. И хотя разглядеть в вышине маленькую белую птичку не представлялось возможным — знал, что она там.

Скоро птичка по имени Таша вернётся домой...

— Что ж... — он улыбнулся своим мыслям, — до встречи, девочка моя.

Новая игра началась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ КНИЖНЫЕ ДЕТИ

За один неполный оборот часовой стрелки до момента, разделившего их жизнь на «до» и «после», в канун дня, на исходе которого незнакомцы явились в их дом, Таша и Лив лежали в саду и трясли небо.

Вечер был прозрачным и сладким, как леденец: липы на заднем дворе только вчера обсыпало медовыми звёздочками цветов. Росистую траву на полянке между яблонями примял лоскутный плед. Листва шептала колыбельные двум девочкам, что смотрели на звёзды, смешно вздёрнув ноги к небу — словно хотели подошвами мягких туфель коснуться двух лун, в этот час висевших почти рядышком.

— Ещё одна! — Лив довольно указала туда, где в черноте исчез росчерк упавшей звезды.

— Успела загадать? — улыбнулась Таша.

— Ага!

— И сколько желаний осталось?

Лив смешно наморщила нос, припоминая свой немаленький список:

— Шесть.

Таша посмотрела на дом. Свет с террасы просеивался сквозь яблоневоы кроны, разливался по каменной дорожке до калитки, лизал золотыми лучами край тропы, уводившей к их любимой поляне.

Отсюда маму не видно, но наверняка она уже готовит им травяной чай на сон грядущий.

— Придётся постараться, если хотим сегодня управиться, — сказала старшая из сестёр Фаргори.

Поёрзав на пледе, Лив старательно засучила ногами в воздухе. Как и Таша. Со стороны могло показаться, что они пинают звёзды, и догадки эти были бы недалеки от истины.

Увидев их впервые, немногие могли предположить, что они родня. Старшая дочь Мариэль Фаргори уже прожила свою шестнадцатую весну, а младшей едва исполнилось девять, но и при такой разнице от сестёр ожидаешь большего сходства. В чертах их лиц не было ничего общего. Лив унаследовала вишнёвые глаза матери, её худенькая косичка отливала той же обсидиановой чернотой, что и локоны Мариэль, а светловолосая сероглазая Таша пошла в бабушку (так говорили, во всяком случае). Однако все сомнения отпадали, стоило хоть раз увидеть, как Таша возится с малышкой, которую многие считали ребёнком совершенно невыносимым.

Такое мнение имело под собой основания. Но крошка Лив слишком любила маму и старшую сестру, чтобы изводить ещё и их.

Приближение Гаста Таша услышала задолго до того, как его шаги зашуршали по тропинке.

— Что-то ты припозднился, — сказала она, когда друг застыл на краю полянки.

— Ну прости. Сперва у кузницы старика Лира долго торчал, потом дядя нравоучительствовал. — Краем глаза Таша видела, как Гаст недоумённо следит за их пятками. — Что вы делаете?

— Трясём небо, — поведала Лив со всей серьёзностью ребёнка, который едва способен усидеть на одном месте хотя бы пять моментов¹, а обычные полчаса школьного урока считал изошрённой пыткой.

Гаст посмотрел наверх, туда, где по небесному шёлку рассыпалась колкая звёздная шелуха.

— Мы загадываем желания на звёзды, — пояснила Таша невозмутимо. — Но их падает куда меньше, чем Лив хочется. Зато если небо потрясти, они точно на местах не удержатся.

Смеяться Гаст не стал. За десять лет дружбы — с момента, когда они случайно сели за одну школьную парту, — он давно привык к её выдумкам.

— Твоя идея? — просто спросил он.

— Чья ещё.

— Я не такая умная, как Таша, — грустно сказала Лив. — А то сама бы придума... ай, ну вот, ещё одна упала, а я не успела ничего загадать! Ты меня отвлёл, дурак!

— Чай готов!

Мамин голос глухо прозвенел в синей темноте, приглушённый яблоневыми просторами, отделявшими полянку от дома.

Четыре пятки, облитые тонким шевретом летних туфель, одновременно ударились о плед.

— Не обзывайся. — Сев, Таша легонько щёлкнула сестру по носу. — Завтра ещё по крайней мере пару звёзд свалим, стрекоза.

Та не утешилась, и всё время, пока Таша сворачивала лоскутное покрывало, стояла надувшись.

— Гаст-балласт, — буркнула Лив.

— Я кому сказала?

¹ Единица измерения времени, равная 90 секундам (*аллигранское*).

— Наш Гаст патласт, ушаст, бородаст...

— Лив!

— Не вижу ничего плохого в бороде, — сказал Гаст, смущённо почесав слегка щетинистую щёку: зимой на ней впервые показались редкие светлые волоски, пока не знакомые с бритвой.

— Борода может быть красивой, а вот твои поросёночьи шерстинки — точно нет!

Отряхивая плед от земли и травы, Таша не видела лица друга. Зато прекрасно слышала, как тот скрежещет зубами.

К детям нужно быть снисходительным (особенно когда тебе восемнадцать, ты уже почти закончил школу и, выходит, почти что взрослый), но порой это дамнарски сложно.

— Мелкая ты ещё, чтоб в мужской красоте разбираться, — процедил Гаст наконец.

— Будь я мальчиком, ты бы мне сейчас врезал, да? — пронизательно заметила Лив.

— Таша б мне не дала. Но на подзатыльник ты напрашиваешься.

Хихикнув, довольная Лив уцепилась за руку сестры; Таша только вздохнула стоически.

— Лучше скажи, ты брался за задание по истории? — спросила она, направившись к дому, одной рукой прижав покрывало к груди.

— Неа. — Гаст на ходу сорвал с ближайшей ветви недозревшее яблоко. — Всё равно одна добренькая отличница даст мне списать.

— На этот раз — не дам.

— Кажется, я это слышал уже примерно... сто раз?

Выпустив ладошку Лив, Таша ткнула нерадивого друга под рёбра — судя по громкому ответному «ай», плотный лён рубашки не смягчил удар.

После она не раз вспоминала тот вечер. Детские препирательства, детские проблемы, казавшиеся тогда такими важными. Незагаданные желания. Невыученные уроки. Незначительные, трогательные пустяки, ничем не предвещавшие грядущего.

Самое страшное в жизни редко предупреждает о себе. Оно приходит без приглашения, в самый обычный день, когда ты не успеваешь и даже не собирался прибраться к его визиту. И никогда не спрашивает, готов ли ты его принять.

К такому невозможно быть готовым.

— Кажется, я не раз высказывала своё отношение к тому, что кто-то обрывает яблони без спроса, — сказала мама, когда они поднялись по деревянным ступенькам на террасу. Гаст как раз дожёвывал огрызок вместе с косточками, невесть каким образом не морщась от невыносимой кислоты. — Добрый вечер, Гаст.

Обе стрелки настольных часов приближались к двенадцатому делению из шестнадцати. Многие отправляли детей спать в одиннадцать, как только темнело, но Мариэль Фаргори придерживалась иных взглядов на воспитание. На террасе ночь расступалась, развеянная магическим светильником посреди стола: шарик ровного золотистого света в резной меди ажурной оправы. Вокруг дымились чаем глиняные кружки и тлели в курильнице травы, отпугивая назойливую мошкару. Пахло дымом, мёдом и майским днём — Таша не помнила точный состав смеси, но туда входила бузина.

— Да ладно, тётя Мариэль. — Гаст ответил той обезоруживающей улыбкой, что сводила с ума большую часть деревенских девчонок. — Всего одно яблочко. Таша решила.

Мама тоже улыбнулась — только глаза остались холодными.

— Пейте. — Скользнув по лицу старшей дочери, её взгляд потеплел. — Не буду вам мешать.

— Золото, а не мать, — сказал Гаст, когда Мариэль ускользнула в дом, а они расселись по соломенным креслам вокруг стола. — Моя в жизни не ушла бы. Как же так, дать сыну спокойно поболтать, а она не узнает, о чём... — друг отхлебнул из своей кружки: Мариэль, осведомлённая о грядущем визите, накрыла на троих. — Видно, деликатность у вас в голубой крови. К некоторым маленьким врединам не относится.

— Просто тебя подозревают в чём-то нехорошем, — умудрённо заявила Лив. — Нас подозревать не в чем, а твои грязные секреты нашей маме неинтересны.

Таша промолчала. Взяв печенье из плетёной корзинки, откинулась на спинку кресла и посмотрела на море яблоневого тьмы, шелестевшее вокруг островка магического света.

Даже днём отсюда виднелись только зелёные кроны да крохотный кусок дороги за калиткой. Сады Фаргори являлись главной достопримечательностью уездной деревеньки Прадмунт,

в остальном совершенно заурядной; и если обычно достопримечательности украшали собой центральную площадь, то здесь знаменитые сады раскинулись почти на отшибе. В детстве Таша представляла, что это заповедные альвийские леса, и нет вокруг ни деревни, ни сенокосных полей, а их белёный каменный дом на самом деле — дворец Королевы Лесной: мама ведь так похожа на королеву...

В одном соседи бы с ней согласились — аристократического высокомерия Мариэль Фаргори было не занимать. Аристократической красоты, впрочем, тоже. Многие находили, что бывшая королевская фрейлина странно смотрелась в семье деревенских сидроделов, но восстание шестнадцатилетней давности причудливо перетасовало придворные судьбы.

Тот факт, что Мариэль только рада жить в стороне от сельской жизни, никого не удивлял. И почти не вызывал неприязни. У обитателей Прадмунта было немного причин гордиться своей малой родиной — помимо той, что сидр Фаргори вот уже полвека пили при дворе, и даже новый король не отказался от привычки, заложенной предыдущей династией. Причуда судьбы, закинувшая к ним настоящую столичную аристократку, добавляла к этим причинам ещё одну. Фрейлина — это, конечно, не королева, но всё равно голубая кровь; и ей прямо-таки положено быть высокомерной, иначе какая ж она аристократка?..

— Что ты сегодня забыл у кузницы? — спросила Таша, отряхнув штаны от крошек.

Гаст безмятежно хрустнул ореховой печенюшкой:

— Выкраивал момент, чтоб испортить мехи старика Лира.

— Зачем?!

— А нечего было рожу кривить, когда я просил себе гвоздь на удачу выковать. Что ему, жалко один паршивый гвоздь? А мне б перед выпускными экзаменами так пригодился!

— Не жалко, если б его сын не ходил с синяком под глазом, который там возник не без твоего участия.

— Лир-младший сам напросился. Нечего было язык распускать.

— Лир тебя обидел? — полюбопытствовала Лив, болтая ногами под столом.

— Если б меня. — Гаст покосился на Ташу. — Он твою сестру назвал... нехорошим словом, в общем.

— А чем Таша его обидела?

— Тем, что больно хороша для безмозглого страшили в роде кузнецкого сына.

Подумав над этими словами, Лив серьёзно кивнула.

— Ты его правильно стукнул. Таша не виновата. Хотя даже если б была виновата, его всё равно надо было стукнуть, — подумав, резюмировала она.

— Вот и я о чём.

— А дядя чем докучал в этот раз? — Таша решила сменить тему, от которой щёки расцветали сердитым румянцем.

Запустив пятерню в свою непослушную русую шевелюру, Гаст взъерошил вихры на затылке.

— Как обычно. Безобразничаю, учусь спустя рукава, на кого ж отец деревню оставит, когда Пресветлая приберёт... — он неподвижно смотрел на тёмное чайное зеркальце, обрамлённое жжёной глиной. — Так тошно иногда, Таш. Всё уже за меня решили.

— Как будто тебе плохо. Станешь старостой, как твой отец. Будешь всеми здесь командовать. Если кое-кто не прекратит вредничать, отомстишь за детские обиды и заставишь кое-кого стричь свою роскошную длинную бороду.

Лив, от которой намёк не укрылся, скорчила рожицу.

— Отец никем не командует. Это дядюшкина прерогатива. — Гаст рассеянно сжал кружку в ладонях. — Может, мне и правда плохо. Может, я не хочу всю жизнь в Прадмунте провести. Сколько родители на своём веку в город выбирались — на пальцах пересчитать можно... А я хочу мир повидать. И приключений.

Тёмные глаза на родном добродушном лице — орех, мох и сумрачная болотная зелень — смотрели так тоскливо, что Таше сделалось не по себе. Она слишком привыкла видеть в них безалаберную беспечность.

— Приключения ему подавай...

— Как будто ты от них отказалась бы. — Когда Гаст поднял взгляд, в него уже вернулся привычный шальной огонёк. — Скажешь, не мечтала победить какое-нибудь чудище, как в сказке — по-настоящему? Мне можешь не врать, я сам с тобой в колдунов и паладинов в этом саду играл. И в великие деяния Ликбера тоже.

Таша вспомнила, как они увлечённо фехтовали палками на заднем дворе. Тайком от мамы. Та одобряла разве что игры, где Таша изображала пленённую в башне принцессу, но самой Таше это казалось ужасно скучным. Сидеть без дела, пока кому-то достаётся всё веселье? Уж лучше она сама сразит злого колдуна. Благо Гасту нравилось заматываться в занавеску (ткань была тёмно-серой, но они притворялись, что она чёрная) и зловеще хохотать.

Нет, Таша не отказалась бы от приключений, если б те преподнесли ей на блюдечке — красиво сервированными и с приправой в виде обязательного счастливого конца. Пуститься в дальние странствия. Сразиться с коварными злодеями за правое дело. Побывать в альвийских лесах и Подгорном королевстве, станцевать со Звёздными Людьми и выпить с цвергами (в конце концов, ей уже шестнадцать, можно разок позволить себе что-то покрепче чая). А потом, совершив славный подвиг во имя спасения Долины, выслушать благодарность от самого Его Величества — на балу при столичном дворе, в окружении сиятельных особ всех четырёх провинций...

Мечты вновь завели её туда, куда ход ей был категорически заказан, — и, виновато моргнув, Таша повернула голову.

Через кухонное окно видно было, как мама сидит над расчётными книгами. Тёмные кудри оттеняют благородную бледность кожи, морщинки у рта и меж бровей не портят строгой красоты точёного лица, простое хлопковое платье не скрывает безупречную осанку, не сломленную ни годами деревенской жизни, ни ударами рока.

— По-моему, про приключения куда лучше читать, чем проживать их самому, — сказала Таша, заканчивая мгновенный спор с самой собой. Потянулась за книгой, ждавшей своего часа в ящике дубового комода, лак с которого слез ещё до её рождения. — К слову об этом. Мы остановились на том, как Рикон победил виспа, но угодил в плен злых прислужников магистра Ларнека, и...

— Я тут вообще-то тоскую о своей незавидной судьбе.

— Поэтому я решила напомнить, что у любителей приключений судьба бывает куда более незавидной. — Таша открыла страницу, отмеченную тонкой латунной закладкой. Разгладила плотную бумагу, по которой ровными печатными строчками струились странствия и испытания, победы и поражения, лю-

бовь и ненависть, облечённые в текст. — *«Рикон открыл глаза. Он лежал ничком на холодных камнях. В темнице не было окон, и трудно было сказать, день сейчас или ночь. Как давно он здесь? Как сюда попал? Последнее, что он помнил — жуткая боль, когда заклинание врага достигло цели...»*

Боковым зрением она видела, как с каждым словом лицо друга разглаживается.

Спустя пару страниц Гаст снова пил чай — вместо того, чтобы мрачно греть руки о глину, — и с неподдельным интересом слушал о страданиях пленного паладина вместе с притихшей Лив.

Сказкам лучше оставаться сказками. Хотя бы потому, что в сказках про борцов с чудовищами обычно не рассказывают о крови чудовищ на клинках. Или крови неосторожных героев.

Они разошлись две главы спустя, в час, когда спали не только дети — многие взрослые. Впрочем, бояться в Прадмунте было нечего, а Гасту, как и сёстрам Фаргори, позволяли многое из того, что не позволяли другим. Поэтому Таша проводила друга до калитки и какое-то время смотрела, как он не торопясь бредёт прочь по просёлочной дороге, залитой лунами и ночной синью: голубая Никадора уже взошла, золотая Аерин лишь начинала убывать, и их смешанный свет рассеивал черноту прохладными льдистыми лучами.

К дому Таша возвращалась, думая о своём. Например, что её судьба и так напоминает сказку. Во всяком случае, начало одной из них. Этот сюжет Таша встречала в книжках не раз; только вот жизнь и книжки — разные вещи, и её история — по очень многим причинам — не закончится тем, чего от подобной истории она сама бы наверняка ждала...

В спальне, натянув ночную рубашку, Таша села на несуразно большой кровати. Обняв руками колени, усталилась в окно — за стеклом звала, манила звёздная высота.

...она проживёт в этой деревне всю свою жизнь. Спокойную, долгую жизнь. Будет выбираться в город пару раз в год по делам, как мама. Не увидит даже хвост тех приключений, которые пережила Маризель, прежде чем стала Фаргори. Унаследует семейное дело, станет делать сидр, выйдет замуж (куда же без этого?) — и, конечно, за одного из местных...

Будущее представилось отчётливее, чем когда-либо, взяв за горло холодной лапой удушающей тоски.

Крылья... расправить бы крылья, прямо сейчас, сбегать в небо — от непрошеного страха, от непрошенных мыслей, от странной жажды, даже нет — знания, что где-то ждёт тебя нечто иное, новое, большее...

Тихий стук предварил миг, когда мама скользнула в дверь.

— Грустишь? — она подошла к постели: как всегда, бесшумно, как всегда, безошибочно угадав её настроение.

— Немного, — сказала Таша глухо и честно.

— Из-за этих разговоров о приключениях?

Конечно, маминому слуху не могла помешать какая-то там стена и закрытое окно.

— Не нужны мне приключения, — откликнулась Таша после секундной заминки. Снова честно. — Я... я просто по небу соскучилась.

Не нужны ей ни балы, ни подвиги. У неё свои маленькие приключения, с ветром в крыльях и травой под мягкими лапами.

Мама кинула за окно оценивающий взгляд, словно взвешивала на глаз лунный свет:

— Уже поздно. Я буду волноваться. Давай завтра, до вечернего чая, ладно?

Таша кивнула — и была благодарна уже за то, что мама всерьёз подумала, не отпустить ли её сейчас. Несмотря на все опасности ночи.

Кому как не Мариэль Фаргори понимать желание ощутить себя крылатой.

— Я была бы счастлива, если бы ты увидела больше, чем эту деревню, — сказала мама вдруг. — Если бы познала другую жизнь. Ту, которой я сама для тебя желаю. — В том, как она обняла дочь, скользнула та же печаль, что полутонем окрасила её голос. — Наверное, втайне я надеюсь, что ты ещё её увидишь... однажды.

Таша прекрасно знала, какой жизни желала для неё мать. Как знала истинную причину, почему Мариэль Фаргори никогда не пьёт с ними чай, если в дом заглядывает Гаст, и то, почему в глубине души она против этих чаепитий — но, любя дочь, скрепя сердце впустила в их жизнь её единственного друга. Знала даже то, почему перед сном мама всегда сперва заходит к старшей дочери; знала — вот уже третий год.

Ни Гаст, ни Лив ничего не замечали. А Таша никогда не сможет открыть им глаза. И не хочет.

— Даже если не увижу, мне всё равно. Мне и здесь хорошо, с вами.

Мама улыбнулась; теперь — без тени холода. Коснувшись губами макушки дочери, пожелала добрых снов.

Когда она ушла, привычно оставив светильник на тумбочке включенным, Таша зарылась лицом в подушку: спать без света она не могла, но засыпать лампа слегка мешала. Накрылась лёгким одеялом — в каменном доме было прохладно даже летом.

Она ещё ворочалась, когда в коридоре слышались знакомые семенящие шажки. И ничуть не удивилась тому, что дверь вновь отворилась.

Лив влезла на кровать бесцеремонно, не удосужившись проверить, спит ли сестра.

— Та-аш...

Повернув голову набок, Таша сонно приоткрыла один глаз.

— Таш, ты злишься, что я Гаста обижаю?

Сестра тоже была в ночной рубашке — старой, Ташиной. Та оказалась ей чуть великовата, и маленькие детские ладошки тонули в дугтых рукавах. Распущенные волосы струились по белой ткани чернильными струйками, огромные глаза на курносом личике сейчас отливали не вишней даже — черносливом.

По уму Таше следовало отвернуться, преподав урок, который Лив заслужила. Но лицо сестры, с ногами забравшейся на постель, было неожиданно несчастным.

— Немножко.

Иногда она думала, что всему причиной неизбывное чувство вины за свою ложь, третий год окутывавшую Лив счастливым неведением. Как бы там ни было, сестра вила из неё не то что верёвки — канатные лестницы: Таша просто не могла на неё сердиться. Если и сердилась, то куда реже, чем следовало.

— Я больше не буду, — серьёзно сказала Лив.

— С чего это?

— Не хочу, чтобы ты решила, что я слишком вредная, и меня разлюбила.

Таша фыркнула и, вытянув одеяло из-под коленок сестры, приподняла его край в знак примирения: Лив охотно заползла внутрь.

— Я тебя никогда не разлюблю, стрекоза. Но если будешь вредничать поменьше, очень меня порадуешь. — Когда Лив улеглась рядом, Таша обняла её, как обнимала потрёпанного плюшевого зайца, лишь пару месяцев назад отравленного в сундук под кроватью. — Спи давай.

Они так и уснули вместе. Не в первый раз.

Но на очень долгое время — в последний.

* * *

— Быстрее, — бросает Герланд, пока они бегут — вниз, вниз, вниз, по бесконечной лестнице, белой, как всё в королевском дворце.

Эхо дробит и перекатывает их шаги, как и отзвуки криков, пробивающиеся сквозь стену: потайную лестницу специально строили так, чтобы с неё можно было подслушивать, папа говорил. Джеми очень старается не отставать, но маленькие ноги всё равно перебирают ступеньки слишком медленно. Как пятилетке угнаться за взрослым? Его бы взяли на руки, будь здесь мама с папой, но они остались наверху, защищать королевскую семью — долг рыцарей выше родительского, а дядя Герланд несёт брата — хнычущий комок в ворохе пелёнок. Один Герланд спустился бы быстрее, гораздо быстрее, а так... младенец в одной руке, холодные пальцы другой сжимают ладошку Джеми, за плащ судорожно цепляется Берри: ей уже девять, почти взрослая, но бежит она немногим быстрее...

Когда лестница наконец заканчивается дверью, крики уже не слышны. Один Герланд просто прошёл бы сквозь неё, но он не один, и поэтому тихаёт дверь ногой.

Огромный холл освещён слабо, совсем не как обычно — когда он встречает высокородных гостей, но Джеми этого хватает, чтобы узнать папу. Папа почему-то здесь, а не наверху, и стоит посреди зала, рядом с кем-то в чёрном. Кто-то в чёрном резко дёргает рукой, и папа падает. Тут Джеми понимает, что кто-то держит меч, который только что выскользнул из папиной груди.

Джеми смотрит, как папа падает — к другим, что уже лежат на полу. Мужчины, девушки и старики, гвардейцы и про-

стые придворные; кто в мундирах, кто в платьях, кто в ночных рубашках. Кто-то на лестнице, кто-то у самых дверей, в тёмных лужах на белом мраморе.

Джеми смотрит, как папа падает — к маме. Она тоже на полу: отсюда плохо видно, но маму Джеми узнаёт всегда.

Когда папа наконец падает, кто-то в чёрном уже рядом, прямо перед Джеми — тенью, метнувшейся к ним быстрее, чем может любой человек. Тень — девушка, она в чёрном, и лицо её тоже в чёрном: волосы, глаза, странные потёки на лице, будто от краски, такого же цвета, как то, что вязко капает с её меча. Только кожа белая, и звёзды, сияющие на дне зрачков, совсем как у Герланда.

Тень заносит клинок для нового удара, и Джеми не знает, почему тот до сих пор не опустился — наверное, потому, что каждое мгновение кажется ему вечностью.

Тень — девушка, мятежница, убийца родителей — смотрит на него, белые звёзды горят в её чёрных, чёрных глазах...

Чей-то возглас вырвал его из холла, погрузив во тьму, какая обычно царит под закрытыми веками.

Кошмар нехотя выпустил Джеми из цепкой ледяной глубины.

Он устоял на лампу, мерцавшую на чайном столике. Осознал, что он там, где и должен быть: в тканевом кресле посреди тёплой гостиной, с книжкой в руках, на затянувшемся вечернем чае.

— ...да, я уверен, — говорил Герланд — сидевший напротив, а не тащивший трёх перепуганных детей из залитого кровью дворца, — потому что мне несвойственно выражать вслух то, в чём я не уверен, и к этому моменту ты мог бы это уже...

Джеми посмотрел на книгу — во сне ослабшие пальцы упали на колени вместе с ней.

Надо же. Заснул. На самом интересном месте (утренние тренировки и ночная зубрёжка не прошли бесследно). И опять во сне отправился в чужую память, — хотя Джеми она каждый раз казалась очень даже своей.

Алексас не уставал шутить, что младший брат нагло посягает на его личное пространство, но при том, что их связывало, обмен воспоминаниями был неизбежным побочным эффектом.

— ...я не понимаю, зачем сперва созывать узкий круг, — настаивал Найдж. Его голос и вырвал Джеми из сна: из троицы Основателей — альва и двух колдунов, которых чаепитие собрало за одним столом, рассадив по соседним креслам, — лишь Найдж повышал тон в спорах. — Ты не хуже меня понимаешь, что нас вряд ли предал кто-то из...

Свыкнувшись с тем, что холод королевского дворца остался за гранью сна и пропастью минувших лет, Джеми поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Сам он восстание не помнил. Это Джеми был розовым комком, хныкавшим в ворохе пелёнок, пока его брат бежал с Герландом от мятежников, а в дворцовых коридорах вырезали придворных, ещё вчера даривших маленькому Алексасу улыбки и сласти. И предпочёл бы не помнить, — поэтому поспешил вернуться к чтению, где Рикон как раз повстречался с виспом, стражем болот.

«...тварь, державшая в руке зелёный фонарь, улыбнулась ему. Чудовищная ухмылка жутко смотрелась на лице, что Рикон привык видеть в зеркале.

— Я знаю, чего ты боишься, Рикон, — сказал монстр, принявший его облик. — Псы магистра Ларнека уже идут за тобой, но самый большой твой страх — стать таким же, как он...»

— ...Джеми!

Он уже привык пропускать беседы старших мимо ушей, но зов Герланда был не той вещью, которую можно игнорировать.

Пришлось неохотно выныривать из манящей реальности книжных страниц в окружающую действительность.

— Я понимаю, что сказочные небеса предпочтительнее, — когда воспитанник удостоил его безраздельным вниманием, сказал Герланд, и серебристые альвийские искры блеснули в его зрачках призраками далёких звёзд, — однако порой полезно спускаться на нашу бренную землю.

Джеми непроизвольно вжал голову в плечи.

Пылающий камин жарко натопил маленькую гостиную, полную гобеленовой ткани и резного дерева, но холодок зимней ночи, сквозивший в голосе альва, кого угодно заставил бы поёжиться.

— Особенно уместно здесь слово «наша», — скептически подметил Алексас. — Не припоминаю, чтобы альвы считали Подгорное королевство своей землёй.

Джеми удержался от ответа, — в который раз порадовавшись, что брата больше никто не слышит.

— Повторяю. — На миг за спиной Герланда нетерпеливо дрогнули огромные прозрачные крылья и тут же вновь скрылись за кромкой зримого, будто слившись с белёной стеной. — Через три дня собираем очередной совет. Ваше с Алексасом присутствие желательно.

В книжках Джеми встречал выражение «мраморные черты», но лицо Герланда точили даже не из мрамора — из белого льда. В глазах альва темнело сумеречное небо, пронзительно-холодное, а чёрные кудри словно выткали из красок ночи: странная, нечеловеческая, почти пугающая красота Звёздных Людей. Джеми гордился, что их с Алексасом спас и воспитал один из них, но иногда...

Иногда они с братом всерьёз опасались опекуна. Не без причин.

Прикрыв книгу, дабы не было соблазна отвлечься (только страницу пальцем заложив), Джеми посмотрел в окно — просто чтобы оттянуть момент истины.

Из окон особняка открывался прекрасный вид на главную улицу округа Хёх: единственного «людного» округа Камнестольного, великого града цвергов. Сами цверги именовали свою столицу Хапстаддэрштайн, но Джеми предпочитал распространённый аллигранский перевод. Фонари цветного стекла на высоких ножках, светлая брусчатка, по которой звенели копытами железные кони, дома серого камня в два-три этажа и пёстрые витрины лавок; где-то над курящимися дымоходами смыкались каменные своды гигантской пещеры — так высоко, что подгорная тьма скрадывала их, маскируя под мглу ночного неба. Там же пряталась хитрая система воздухопроводов, позволявшая жителям подземья не задохнуться.

Здесь селились все люди, по какой-то причине задержавшиеся в Подгорном королевстве, и от наземных городов Хёх отличала разве что вечная темнота. Другие округа щеголяли типичной архитектурой цвергов с затейливой резьбой по стенам невысоких домишек... но туда людям лучше было не соваться.

— Пора всерьёз участвовать в делах сообщества, — сумеречный взгляд Герланда резал той же непреклонностью, что и слова. — Даже если ты считаешь, что не готов.

— Но я готов! — выпалил Джеми. — Готов участвовать! Правда!

Подумав, честно добавил:

— Наверное...

День Джеми Сэмпера, колдуна-недоучки шестнадцати лет от роду, не задался с самого начала.

На утренней тренировке ему удалось лишь шесть боевых каскадов из семи. Учителя могли сколько угодно уверять, что в его возрасте и это освоить — гениально, а заклятия выше пятой ступени просто истощат его магический резерв: Джеми подобное не утешало. Если ты за что-то взялся, делай всё, что требуется, без всяких скидок. Не можешь сделать — не берись. Никаких отговорок в духе «не дорос», «болен» или «устал».

Джеми предпочитал брать пример с солнца. Солнце, может, тоже человек. Может, ему тоже бывает плохо. Может, ему тоже иногда вставать не хочется. Только солнце никто никогда не спрашивал, может ли оно светить: для него не существует «хочу» или «могу», есть одно лишь «нужно». Вот оно и светит вопреки всему...

После настало время уроков литературы и языкознания, а потом Алексасу, любимому до зубовного скрежета старшему братцу, пришла пора отправляться на тренировку по фехтованию. Джеми не оставалось ничего, кроме как два часа наблюдать за его потугами.

У Алексаса дело тоже не особо спорилось. Нет, он мог побить, пожалуй, любого смертного, причём вне зависимости от возраста, умения и весовой категории... но сражаться с альвом — дело неблагодарное, а щадить их Герланд никогда не собирался, даром что был их опекуном. Так что по завершении тренировки Алексас в который раз зализал раны с помощью баночки целительной мази, после чего выразил желание прошвырнуться в город.

Джеми согласился. Он уже третий день мечтал добраться до книжной лавки (порой считал себя достойным немного отвлечься от магических трактатов за развлекательной литературой), а потому следующие полдня братья самым бесстыд-

ным образом отдыхали. И если поход за новым томом «Правил паладина» Джорданесса занял около получаса, львиную долю оставшегося досуга отняло общение Алексаса с премиленькой девушкой, которую он встретил по пути в таверну. Вот что в нём только девушки находят?.. Казалось бы, смазливый самоуверенный щёголь. Долговязый. Вечно растрёпанный. Ещё и веснушчатый... Но девушки странно смотрели на многое — это Джеми давно уяснил.

Понять их он даже не пытался, просто принял какие-то вещи, как факт.

Прогулка с очередной красоткой завершилась сговором об очередном свидании под балконом; и на этом Алексас, весьма довольный собой, продолжил путь к кружке крепкого цвергского пива и приятной застольной компании, где и провёл оставшийся час до вечернего чая. На взгляд Джеми, совершенно бездарно.

— Какой энтузиазм. — Найдж, развалившийся в кресле слева, спрятал ухмылку за чашкой. А может, и улыбку, — не понять: она с губ колдуна почти никогда не сходила, из-за этого молодое лицо под ёжиком растрёпанных русых волос казалось ещё моложе, и даже тёмно-серые радужки делались светлее. — Видишь, Герланд, а ты ребёнка попрекаешь.

— Сам ты ребёнок, — буркнул Джеми. — По магическим меркам.

— Сначала до бакалавра дорасти, там и поговорим, кто ребёнок.

Джеми на подколку не обиделся. Хотя сам Найдж, уже лет пять игравший роль его второго наставника, звание бакалавра магических наук защитил не так давно — куда позже, чем той же цели обещал достичь Джеми.

— Если бы этот ребёнок проявлял на собраниях сотую часть того интереса, что он выказывает к вашим урокам и этим... *сказкам*, — брезгливость, с какой Герланд посмотрел на «Правила паладина», была куда красноречивее паузы перед словом, — сейчас у меня было бы одной головной болью меньше. К счастью, я привык работать с тем, что есть.

Джеми снова не обиделся. Будь Герланд *действительно* против «этих сказок», ему бы просто запретили походы в книжную лавку — и, скорее всего, Джеми бы не осмелился бунтовать. Альв

и к походам мальчишек в город относился неодобрительно, но понимал: запирать воспитанников в четырёх стенах немилосердно и невозможно. Так что лишь регулярно проверял ментальные барьеры, защищавшие их разум — без этого случайная встреча с чтецом сознаний могла обернуться неприятными последствиями (дар проникать в чужие мысли среди магов встречался редко, но всё же встречался), — и не менее регулярно наказывал держать язык за зубами — по поводу и без.

Повод был. И немалый. Для окружающих Алексас и Джеми Сэмперы звались Алексасом и Джеми Торнори, и воспитывал их вовсе не Герланд, а небезызвестный магистр Торнори, отставной придворный маг Короля Подгорного. В принципе, почти так всё и было: их дом действительно принадлежал магистру, они действительно в нём воспитывались, а Джеми действительно учился у старого колдуна.

Не так было то, что официально братья были мертвы. Погибли вместе с родителями, королевскими рыцарями, — которые пали, защищая своего короля.

Когда шестнадцать лет назад в королевский дворец ворвались мятежники, уцелели немногие его обитатели. Король Ралендон Бьорк Девятый был убит — вместе с женой, дочерью, советниками и придворными. Новым королём провозгласили Шейлиреара Дарфулла, бывшего Советника Его Величества по финансовым делам, по совместительству недурного колдуна. Шепотки о том, что из него выйдет отличный правитель, ходили задолго до восстания; оно вошло в историю под названием «Кровеснежная ночь», ибо наутро снег столицы был багряным от крови.

От безжалостной толпы, ворвавшейся во дворец, Джеми и Алексаса спасло чудо. Чудо звали Герландом, и оно было альвом, некогда изгнанным из родных лесов. Став чужим для своего народа, Герланд присягнул на верность владыке людей, и до самой резни он служил убитому монарху, сражаясь с родителями мальчишек бок о бок. Потому и спас братьев Сэмперов, спрятав их в Подгорном королевстве, и воспитал, заменив им отца.

Отца, которого Алексас почти не помнил, а Джеми почти не знал...

— Нам всем известно, Гер, как ты любишь одаривать своих сынов похвалами, но предлагаю вернуться к тому, что острее

всего требует вынести себя на суд, — устало проговорил магистр Торнори, тонкими руками поправив плед. Хозяин дома не так давно разменял третью сотню лет, и никто не удивлялся как тому, что он подозрительно легко зяб, так и мудрёным оборотам его речей: не все маги могли приспособиться к смене веков. — Всё же я настаиваю на том, чтобы сперва собрать узкий круг. Вероятность того, что мы обнаружим среди нас... то, чего опасаемся, ничтожна, но я хотел бы успокоить свою душу хоть на этот счёт.

— А в чём, собственно, суть грядущего собрания? — стыдливо осведомился Джеми.

— К нам пожалует новый спонсор, дабы обсудить условия союза с глазу на глаз. — Едва ли магистру нравилось повторять то, что Джеми пропустил за книгой и сном, но он не выказал этого ничем. Старый маг вообще умел прятать эмоции за гривой седых волос, что могли так кстати упасть на глаза, пушистой бородой и дежурным благолепием. — Нашим застоявшимся жилам не помешает свежая кровь.

— Ещё выслушаем доклад шпиона в Торговой Гильдии, — добавил Найдж, — кое-какие новости из столицы...

— В общем, ничего интересного, — зевнул Алексас.

— ...а ещё попытаемся поймать крысу.

Джеми недоумённо вскинул голову.

— Какую крысу?

— Предателя, дурачок! — голос брата с головой выдал его азарт. — А вот *это* уже интересно...

Если возвращаться к тому, что с братьями Сэмперами было не так, определённо стоило упомянуть, что в доме магистра Торнори располагалась штаб-квартира некоего тайного общества. Основали его Герланд, магистр и Найдж, тогда ещё юный ассистент прославленного Торнори-энтаро¹; они дали своему детищу благозвучное название «Тёмный венец» — и с тех пор это общество плело заговоры с целью свержения душегуба и узурпатора Шейлиреара Дарфулла Первого.

Подрывной деятельностью «Тёмный венец» с переменным успехом занимался уже шестнадцать лет. Почти с самого вос-

---

¹ Приставка, употребляемая при уважительном обращении к юноше или мужчине (*алл.*).

стания. За эти годы они привлекли под свои знамёна немало людей, цвергов и колдунов, и даже другие сообщества — по-мельче: многие соглашались, что дробить оппозицию королевской власти глупо, разумнее объединить усилия. Единственная загвоздка заключалась в том, что для свержения узурпатора требовался кто-то, кого можно возвести на престол по праву. Так что главной целью общества был поиск подходящего представителя сверженной династии Бьорков.

Проблема была ещё и в том, что после Кровеснежной ночи Бьорков осталось немного. Все они либо находились одной ногой в могиле — по причине глубокой старости, — либо были вполне довольны жизнью под пятой узурпатора и все без исключения пребывали под пристальнейшим наблюдением новой власти. Вот лже-Бьорков за шестнадцать лет объявлялось немало; заканчивали они обычно ласковым выговором от стражи, позором да скромной заметкой в новостном листке об очередном самозванце и Венец не интересовали. Вывести их на чистую воду для магов труда не составляло, а возводить на трон фальшивку сторонники свергнутой династии не имели ни малейшего желания. Кто-то другой на их месте давно бы сдался, но ведь наверняка тела последних Бьорков сожгли недаром! Узурпатор уважил память предшественников и обеспечил убитым погребение рядом с предками, но вместо тел в королевскую усыпальницу отнесли лишь урны с прахом. Конечно: тело-то, в отличие от праха, опознать не составит труда...

— Видите ли, не столь давно мы обнаружили, что кто-то внёс ничтожные, но злонравные изменения в защитные чары штаб-квартиры. — Магистр рассеянно обводил указательным пальцем костяшки другой руки. — Благодарить следует Найджа, он задумал внести в защиту коррективы, что открыл в минувшем месяце... и обнаружил *это*.

— Что ещё за изменения?

— Убрали запрет на несанкционированные переговоры. — Найдж хмуро глотнул из своей чашки; лучи светильника на столе просвечивали сквозь тонкий фарфор. — Как ты знаешь, только Основат... только мы трое в этом доме можем пользоваться зеркалами или открывать другие магические каналы для дальней связи. Раньше могли.

— А теперь...

— А теперь, спасибо нашему неизвестному другу, с этим справится кто угодно. Бери зеркало и болтай с кем-нибудь в столице — ни я, ни Герланд, ни учитель этого не заметим.

Пальцы Джеми непроизвольно вцепились в книжный ко-
решок.

— То есть... кто-то в штаб-квартире...

— Выходит на связь с внешним миром. Тайком от нас. Со-
вершенно верно.

Новость Джеми не понравилась. Даже *очень* не понравилась.

Насколько ему было известно, последние дела сообщников проворачивались вполне успешно, но изложенные факты неизбежно вели к одному: некто из штаб-квартиры докладывает о делах Венца кому-то, кто о них знать не должен.

— Посему мы устраиваем облаву. В ближайшие дни будем отслеживать всю магическую активность в здании. — Герланд отставил чашку на стол. — Если после собрания крыска победит к хозяину — это кто-то из узкого круга. В противном случае через шестидневку собирается совет для широкого...

— И в моих интересах, чтобы подлеца поймали там, — добавил Найдж, — а то ваш прекрасный опекун до конца жизни будет величать меня не иначе как «наивным желторотиком».

— Рад, что твоему чувству юмора не вредит даже угроза тюремных застенков.

— Если кому-то они и грозят, то не мне. Хотя, подозреваю, между тобой и королевскими палачами наша крыска выбрала бы второе, но такой подарок ты ей не сделаешь.

Джеми подумал.

Ещё раз подумал.

— А... наш провал год назад, — сказал он тихо, — то, что в Прэкильской тюрьме ждала засада... не может быть с этим связан?

Казалось, в гостиной стало темнее — так помрачнели двое колдунов, с которыми Джеми делил чай за круглым столом. Лицо Герланда осталось бесстрастным, но для альва то была привычная маска, прятавшая любое проявление чего-то, хоть отдалённо похожего на чувства.

Тот провал был большой темой не только для Джеми. Из пяти человек, отправившихся тогда на задание, в штаб-квартиру вер-

нулись двое, — и при виде одного из них целители лишь руками развели.

— Всё может быть. — Сухие пальцы магистра сомкнулись, сплетаясь в судорожный замок. — Я не устану возносить благодарности судьбе за то, что Алексас всё ещё с нами, но...

— Но я надеюсь, что крыска не причастна к тому, что он с нами не во плоти, — невыразительно закончил Найдж. — Иначе о свидании с королевскими палачами она будет молиться.

— Всецело одобряю.

В мурлыкающий голос Алексаса примешались нехорошие нотки, и голос этот — как всегда — звучал лишь в Джеминой голове.

Если в последний раз возвращаться к тому, что же было не так с братьями Сэмперами, не стоило забывать, что год назад Алексас отправился вызволять кое-кого из тюрьмы — и вернулся с ранами, после которых не выжил бы никто. Год назад Алексасу предложили выбор: либо смерть, либо существование на правах... фактически призрака, но заключённого в чужое тело. Тело человека, что согласится всю оставшуюся жизнь терпеть в своей голове постороннюю личность. А на треть суток Алексас даже сможет брать контроль над этим телом: дышать чужой грудью, говорить чужими устами, фехтовать чужими руками. Жить, пусть каждый момент этой жизни ему великодушно дарил другой.

С тех самых пор Джеми с Алексасом и делили одно тело на двоих — и, пожалуй, это всё же было самым не таким из всего, что было с ними не так.

— Засим объявляю вечер завершённым, — резюмировал Герланд, поднимаясь с кресла. Даже это простое движение в исполнении альва завораживало стремительной текучестью. — Отбой.

Выслушав указ «не распускаться», Джеми следил, как опекун покидает гостиную, без единого звука ступая по гулкому паркету (на самом деле не совсем *по* нему). Затем и магистр, напомнив про завтрашний урок, с кряхтением встал, чтобы опереться на Найджа; шаги хозяина дома сопровождало приглушённое ворчание про дрянные старые кости.

— Кому отбой, а кому читать, — пожал плечами Джеми, когда комната опустела.

В ответ его руки небрежно отбросили книгу на стол — не по его воле.

— Кому читать, а кому под чужой балкон, — уточнил Алексас. Теперь — наконец-то — вслух.

* * *

Последний день привычной жизни Таша скоротала не лучше и не хуже обычного. Завтрак, чтение, прятки с Лив. Полуденный чай, чтение. Обед, чтение, уроки. Впереди ждала целая шестидневка каникул по случаю сенокоса, но завтра Таше предстояло почти весь день провести на лугу, а домашнее задание она предпочитала делать, пока время не поджидает.

Мудрость, непостижимая для оболтусов вроде Гаста.

Потом Лив убежала в деревню, играть с одноклассниками (в отличие от старшей сестры, её в компанию деревенских отпускали без проблем), а сама Таша отправилась в конюшню. Принц, любимый льфэльский жеребец снежно-белого окраса, встретил хозяйку радостным фырчанием.

— Сегодня никуда не поедем. Сам погуляешь, — сказала Таша ласково, пока конь тёрся мягкой мордой о её щёку в знак приветствия. Скормив ему пару кусочков сахара, девушка ползла за щёткой: та ждала своего часа в сундуке, как и другие коноводские принадлежности вроде расчёски и скребницы. — А пока поухаживаем за твоей породистой шкуркой.

Она почистила Принца и, выпустив его в сад, принялась прибирать денник, когда её окликнули:

— Лэй закончила в доме. Может и здесь закончить за тебя.

Сгрузив в садовую тележку очередную порцию мокрой соломы, Таша уткнула острие лопаты в деревянный пол. Оглянувшись на маму — та стояла в дверях конюшни, прислонясь плечом к проёму открытых ворот.

— Обычно ты против того, чтобы кто-то за меня ухаживал за моим питомцем, — напомнила Таша.

— Я обещала отпустить тебя полетать. Лучше сделать это, пока Лив не вернулась.

— А Принца...

— Я сама в денник заведу. И корм дам. — Мама качнула головой. — Иди, до вечернего чая всего пара часов. И так опоздаешь, знаю я тебя.

Прислонив лопату к стене, Таша стянула холщовый халат, который накинула поверх домашнего платья, и без возражений проследовала к выходу.

Она не поцеловала маму, проходя мимо. Даже не обняла — руки были грязные. Просто не видела необходимости прощаться.

Ещё одна вещь, которую после она не могла себе простить.

На садовой дорожке, вызолоченной светом медленно гаснущего дня, она разминулась с тётей Лэй: та жила неподалёку и за умеренную плату прибиралась в их доме. Заодно и готовила — мама, конечно, освоила кулинарию, но хлопотать над очагом предпочитала в исключительных случаях. Для односельчан не считалось зазорным прислуживать в домах соседей побогаче. Всё лучше, чем уезжать из деревни и искать работу на стороне, в недружелюбном городе.

Минимальный порядок женщины семейства Фаргори поддерживали сами — подметали, складывали разбросанные вещи, убирали книги и игрушки. Но Мариэль никогда не позволила бы своим девочкам ползать по полу с грязной тряпкой, не говоря уже о том, чтобы ползать самой.

Кивнув соседке, слушая, как удаляются её грузные шаги, Таша прошла в дом. Смыв грязь, заперлась в спальне. Убедившись, что за окном никого нет, настежь распахнула деревянную раму. Разувшись, через голову стянула платье.

Никто не увидел, как из опустевшей комнаты вылетела птичка ланден, с торжествующим клёкотом взвившись в блёклую небесную лазурь. Небольшая и быстрая птица, похожая на белую ласточку, только перья с золотистыми кончиками — словно в солнечный свет обмакнули.

...три ипостаси есть у оборотней. Одна ловкая — для детства, одна крылатая — для юности и ещё одна, самая сильная, для поры защищать себя...

Строки из старинного трактата о нечисти Таша в своё время заучила наизусть и вспоминала их сейчас, ловя крыльями ветер.

Крылья были первой из двух тайн, которые Таша хранила ото всех, кроме мамы. Даже от Лив — сестра едва ли сумела

бы молчать. И если опальную аристократку прадмунтцы могли приветить, то семейку оборотней они не приветили бы точно.

Две тайны, два дара, два проклятия...

Таша долго парила над реками, поросшими лесом по пологим берегам, и лугами, по которым катились малахитовые волны высоких трав. Парила, наслаждаясь ветром в перьях, пока сумерки не рассыпали по небу осколки звёздного света. Время вечернего чая давно миновало, как и время её возвращения, но домой она не торопилась — как всегда. Мама была права: слишком неважным всё казалось здесь, в этой спокойной, бескрайней выси. И тайны, и проблемы, на земле не дававшие покоя — всё казалось далёким, мелким, как и сама земля, и люди, ждущие где-то внизу, и...

...близость к грани Таша ощутила безошибочно. Грани, когда птица в голове готова взять верх над человеком.

Главная, проклятая, извечная проблема любого оборотня.

Взрезав крылом воздушный поток, Таша нехотя повернула обратно.

Когда дикие луга внизу сменили скошенные, а впереди показались игрушечные кубики домов, неровным овалом разбросанные вокруг центральной площади, ланден сложила крылья и устремилась вниз. Прадмунт сиял во тьме разноцветьем светящихся окон; пронзительная синева небес в зените оборачивалась пастельно-розовой кромкой у горизонта. Поймав ветер у шпиля водонапорной башни, Таша вновь взмыла над черепичными крышами, устремившись к деревенской околице.

Вскоре под крыльями её зашелестели яблоневые сады.

Таша не надеялась увидеть Лив с мамой на террасе. В конце концов, стынущий чай не будет вечно ждать, пока его выпьют. Но когда она подлетела к дому, то не увидела даже света в окнах, — хотя поздний час определённо располагал к тому, чтобы зажечь лампы.

Тогда Таша ещё не знала, что это значит.

Понимала лишь, что ничего хорошего это предвещать не могло.

Она стремительно облетела дом; спикировав в открытое окно, приземлилась на пол. Спустя три удара сердца вскинула голову — уже не птичью.

Поднявшись с пола, Таша шагнула к двери непослушными ещё ногами. Одеться она не потрудилась: мысль об одежде в тот миг просто не пришла ей в голову.

— Мама? — провернув ключ, Таша вышла в прихожую. Зрачки расширились, вбирая малейшие проблески света в недружелюбной темноте. — Лив?

Ответная тишина завораживала безмолвием.

Почему никого нет? Только эта тишина и... запах? Сладкий, тёплый...

...тошнотворный...

Кровью тянуло из-под приоткрытой двери в детскую — и, приблизившись, Таша наконец расслышала то единственное, что нарушало тишину помимо бешеного стука её собственного сердца. Мерные хрипящие отзвуки, очень похожие на те, с которыми кто-то пытается дышать.

Медленно-медленно Таша потянула дверь на себя.

Деревянные пальцы не почувствовали ручку.

Открывать дверь не хотелось — хотелось бежать, бежать из этого дома, а лучше снова улететь; а потом вернуться и понять, что в окнах светло, а сердитая мама ждёт заблудшую дочь на кухне. Убедиться, что тёмная тишина ей привиделась, что в действительности всё так, как и должно быть, что всё это просто...

...пожалуйста, пусть это будет просто сон, пожалуйста, пожалу...

Когда Таша увидела, что ждало её за дверью, стук крови в висках затих. Наверное, потому, что наяву этого точно быть не могло.

Чёрная волчица лежала у постели с прозрачным пологом. Светлый ковёр впитал кровь, окрасившись багровым; в кремовой комнате с резной кукольной мебелью кровь казалась такой неуместной, такой странной, такой...

Таша сама не заметила, как оказалась рядом.

Присев на корточки, она с недоверчивым, отрицающим недоумением коснулась кончиками пальцев жёсткой слипшейся шерсти.

— Мам...

Глаза волчицы приоткрылись, блеснув блёклыми вишнями.

Мир поплыл, расплылся, уступил место чужим воспоминаниям и мыслям о...

— *Может, всё-таки её...*

— *Нет. Ей и так не выкарабкаться.*

*Их трое. Двое обтирают «нечестивые», посеребрённые по-
верх стали клинки. Третий, главный, просто наблюдает — не
опустился до того, чтобы руки марать: рубленные черты блед-
ного лица, шрам на щеке — три рваные полосы — и серые,
очень светлые глаза.*

— *Мне жаль, что так вышло, Ваше Высочество. Но иного
пути не было, — в голосе убийцы звучит искреннее сожаление.
Безвольную Лив он прижимает к себе с отеческой бережно-
стью — дочь рухнула без сознания, так и не успев добежать
до тех, кого хотела ударить. — Идёмте.*

*Она знала, что ничего не сможет сделать. Знала это, как
только он окликнул её из-за двери — призрак прошлого, при-
шедший забрать всё, что у неё осталось. Она может лишь
наблюдать, как уносят её дочь, чувствовать, как с каждой
секундой притупляется боль, как с каждым ударом сердца по
капле уходит жизнь. Даже на то, чтобы вернуть человеческий
облик, сил нет.*

*Она видит, как удаляется, тает во тьме синяя ленточ-
ка в волосах Лив, которую Мариэль этим утром вплела ей
в косу.*

Только бы Таша не вернулась сейча...

Странный ветерок холодом взъерошил волосы — и сосущая
чернота вытолкнула Ташу в реальность.

Хрипы стихли. Волчица лежала, не шевелясь.

Кажется, потом Таша говорила что-то: происходящее она
осознавала слишком смутно, чтобы быть уверенной. Звала, кри-
чала, трясла маму-волчицу за плечо, пачкая пальцы в крови —
пусть смутное понимание того, что этот кошмар слишком ре-
ален, чтобы быть сном, лишало голоса, скручивало всё внутри
в узел, перехватывало дыхание, сбивая его в судорожные, почти
икающие вдохи. Когда голоса уже не осталось, просто сидела
рядом, надеясь, что кто-то из них двоих всё же проснётся.

Когда не осталось и надежды, — глядя прямо перед собой
остекленевшим взглядом, закрыла мёртвые волчьи глаза.

Безуспешно попытавшись приподнять тело, Таша за перед-
ние лапы поволокла волчицу наружу.

Могилу она копала на заднем дворе, рядом с конюшней. Там, где недавно разрыхляли землю: Лив упростила, хотела сама вырастить горох. Когда яма показалась достаточно глубокой, Таша выбралась и столкнула тело вниз. Механическими движениями засыпав могилу, уронила лопату — словно кукла, у которой кончился завод.

Отойдя к яблоням, она сорвала три тонкие ветви. Перевязав их травинкой, добавила ещё одну, образовавшую круг; вернувшись к могиле, положила на мягкую землю своими руками сделанный крест.

Какое-то время Таша просто стояла, глядя куда-то вперёд. Её тонкая прямая фигурка терялась в яблоневой тьме, густевшей под двумя лунами.

Потом перегнулась пополам, упала на колени, скрючилась на земле и зарыдала — до кашля, до боли в горле, кусая руки. Почти без слёз.

ГЛАВА ВТОРАЯ ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

— Таша, домой!

— Мам, ну ещё чуть-чуть!

Сиреневые сумерки ласкают сонные шершавые стволы; на прощание черёмушник¹ раскрасил сад яблоневым цветом, и ветер сытет лепестки на каменную дорожку, по которой трусит изящный снежный жеребец с юной всадницей. Таша упрямо направляет коня на тропу, тот с не меньшим упрямством норовит свернуть на травяной ковёр, зеленеющий под яблонями.

С террасы дома за ними наблюдают две женщины.

— Балуешь девчонку, Мариэль. — Лэй качает головой: на контрасте с бледным, почти измождённым лицом собеседницы лампа на столе будто ярче высвечивает её румянец. — Мои мелкие носа из дому не кажут, как солнце зайдёт.

— В наших садах ей ничего не грозит. — Ложечка Мариэль методично, без единого звука кружит по полной чашке. — Лэй, чай стынет.

---

¹ Третий месяц весны (алл.).

— Детям в одиннадцать спать положено.

— Кем положено?

Что ответить, соседка не находит — но, опуская чашку, досадливо стучит доньшиком о столешицу.

Они странно смотрятся за одним столом: дородная селянка и беглая аристократка в простом льняном платье. И обе сидят так, словно не совсем понимают, что собрало их вместе. Но время от времени Мариэль предлагает соседке выпить чаю после уборки, а та никогда не отказывается.

В Прадмунте шепчутся, что при дворе аристократы иногда приглашали слуг на чай — великодушный жест в знак признательности за хорошую службу. Та же милостыня, подачка. Лэй твердит, что для соседей дружеские чаепития — это нормально, даже когда один сосед прислуживает другому.

Её не разубеждают.

— Вообще рано ей на коня. Ладно, ты ей пони купила — приспичило, чтоб дочурка лихой наездницей была. Но в девять на льфэльского жеребца пересаживать...

— Таша берёт барьеры в полтора мана¹. Выше пони прыгнуть трудно. — Свой чай Мариэль пригубливает, словно вино вековой выдержки, словно вместо глины рта её касается фарфор. — Если в настоящих условиях не можешь добиться большего, значит, настала пора двигаться вперёд.

Лэй лишь хмыкает, прежде чем сменить тему:

— Как младшенькая?

— Спит.

— А вообще как?

— Прекрасно, — в голосе Мариэль сквозит прохладца осеннего утра. — Таша, всё, домой!

Та не возражает и, ловко соскочив с седла, ведёт жеребца в конюшню.

— Сама рассёдлывает?

— И чистит, и кормит. — Мариэль всматривается в белоцветную яблоневую даль: с террасы границ сада не разглядеть. — Хорошее нынче лето. Думаю, урожай выйдет неплохой.

¹ Единица длины, равная примерно 0,7 метра (алл.).

— У Фаргори и в скверные лета дивные яблоки вызревали. Что им будет, альвийским яблоням-то? И сидр всегда хорош, недаром к королевскому двору везут.

Мариэль молчит — лишь морщинки у сжатых губ проступают отчётливее.

— А ты всё зришься, смотрю. — Лэй прекрасно слышит ненависть, звенящую в этом молчании. — Не любишь ты наше величество, ой не любишь...

— У меня есть на то основания.

— Ты ж не помнишь, кем до восстания была. И кого у тебя в ту ночь убили.

Голос Лэй звучит простодушно, только блекло-голубые глаза делаются цепкими и колючими, словно чертополох. Мариэль не смущается — или совершенно прячет смущение за отстранённым взглядом и чашкой у губ, скрывающей даже морщинки.

— Я знаю, что до восстания у меня была другая жизнь. И знаю, что потеряла в тот день... кого-то. Мне этого достаточно.

За этой отстранённостью блестит сталь, но лицо Лэй смягчается.

— Тебе бы век Богиню благодарить, что тебя тогда Фаргори приютили, — слова ласкают сочувствием, как густые сливки обволакивают упавший в них нож. — Жива, доченок родила, мужа отхватила всем на зависть. Ещё и дело семейное теперь твоё. В Кровеснежную ночь столько благородных из столицы бежало, вон как ты, а выжило много, думаешь? По мне так Бьоркам с их прихвостнями по заслугам воздали... к тебе не относится — ни ты, ни семья твоя страной не правила. — Лэй прихлёбывает стынувший чай; взгляд её тускнеет, устремившись к тому, что осталось за гранью былого. — Я-то помню то время, Эль. Ты во дворце была, а я здесь. У меня мать умерла, потому что последние крошки хлеба нам с братьями отдавала. Я Шейлиреару по гроб жизни благодарна буду, что мои дети голода не знают, и плюну в рожу каждому, кто его узурпатором обзовёт. Незаконный король, тоже мне... — Она дёргает плечом так резко, что по глиняной стенке взвивается бежевый всплеск: не будь чашка почти пуста, по столу разметалась бы чайная клякса. — По мне так на ком корона, тот и законный.

— Не лучшая тема для разговора за вечерним чаем.

Мариэль спокойна. Спокойнее даже, чем прежде, когда она говорила о своих забытых мертвецах.

Это спокойствие нервирует так, что последние глотки Лэй допивает залпом.

— Да мне так-то домой пора. — Ножки кресла скользят по полу — резкий звук лишь подчёркивает неловкость, с которой закругляется беседа. — Ещё топать от ваших садов...

— Не так и далеко.

Мариэль улыбается, но не пытается остановить соседку, когда та поднимается из-за стола. Просто слушает, как жалобно скрипит крыльечко под её весом.

Уже ступив на мощённую камнем дорожку до калитки, Лэй оборачивается:

— Ты Таше про отца так и не сказала, да?

Улыбка сходит с губ Мариэль — это поразительно мало меняет выражение, стынущее на её лице.

— Нет.

— А что скажешь?

Взгляд хозяйки дома бесстрастен: свет не отражается в затенённых ресницами глазах, теряется в чёрной глубине с едва заметным вишнёвым оттенком.

— Скажу, что нам досталось всё имущество, без лишнего рта заживём только лучшие, да к тому же... — Мариэль осекается. То ли вспоминает о чём-то, то ли замечает вытянутое лицо Лэй. — Имеешь что-то против?

Соседка опускает взгляд, рассматривая свои потрёпанные баиньки.

— Это... жестоко.

— Зато плакать долго не будет. — Вместо прощания Мариэль отворачивается, чтобы улыбнуться дочери: та уже бежит к крыльцу. — Хорошо покаталась, малыши?

— Ох, мам! — Таша птичкой взлетает по ступенькам. Кудри светлым шлейфом летят следом, серые глаза сияют серебром. — Принц такой... такой... и почти уже меня слушается!

— Не сомневалась, что вы поладите. — Скользнув взглядом по удаляющейся спине Лэй, Мариэль касается медной оправы светильника. Шар золотистого света гаснет, погружая террасу во тьму. — Теперь мыться, пить чай и спать.

— А я хотела на ночь краеведение поучить... Мам, можно я карту расстелю, можно?

Мариэль смотрит на дочь, молитвенно сложившую тонкие ладошки.

Когда она кивает, за показной неохотой прячется удовлетворение — слишком хорошо, чтобы его разглядел ребёнок.

Таша упрыгивает в дом, воинственно и радостно крича что-то про цвергов, которые сегодня своё получают. Сад шепчет Мариэль то, что слышит она одна, перешагивая порог следом за дочерью: то, что у неё входит в дурную привычку покупать счастье ложью.

Щелчок двери сменяет скрежет засова, оставляя сад наедине с двумя лунами, льющими бледный свет на звёздочки белых цветов, — и что бы ни шептали яблони, Аерин и Никадора тоже оставляют это без ответа.

* * *

Когда Таша открыла глаза, небо уже выкрасили блеклые краски предрассветья.

Спросонья она не сразу поняла, что делает на заднем дворе. Без одежды. И почему ладони стёрты в кровь? Почему...

Осознание навалилось в момент — беспощадно, безжалостно. Осознание скрутило её в комок, скрючило рыданиями там же, на росистой холодной земле, заныло в сердце, разрывая его глухой безысходностью.

Мама там, под землей. Мама там — мертва. А Лив...

...Лив...

Другое осознание — непростительно запоздалое — само распахнуло слепленные слезами глаза.

Они увезли Лив.

Трясущиеся руки оперлись о землю, прошив тело отрезвляющей болью.

Кое-как поднявшись, на подкашивающихся ногах Таша побежала в дом.

Догнать, найти, найти, догнать, мерным молоточком стучало в висках, когда она, почти задыхаясь, ворвалась в детскую: убий... похитители, лучше думать «похитители»... должны были оставить что-то, за что можно уцепиться. Она жадно втянула

носом воздух — нюх оборотня разложил спектр запахов на компоненты, как парфюмер уловил бы отдельные ноты в мелодии духов. Кровь, пот, промасленная кожа... табак, хмель, лошади — самую капельку..

Нелепыми семенящими шажками обогнув кровавое пятно на полу, Таша тронула лампу на тумбочке.

Странный отблеск, которым темнота под кроватью откликнулась на вспыхнувший свет, заставил девушку рухнуть на колени.

Пальцы на миг скрылись в темноте под деревянным бортиком, чтобы вытянуть оттуда прохладный золотой круг на длинной цепочке. Кулон легко уместался на ладони; Таша решила было, что это часы, но, откинув крышку, вместо циферблата увидела отражение своих безумных глаз. Слева от зеркальца, под выпуклой крышкой притаился педантично сложенный бумажный клочок — Таша сама не знала, как дрожащие руки сумели вытащить и развернуть его, не порвав на конфетти.

«Встретимся в Пвилле. Л.»

Записку вывели аккуратным сухим почерком, столь же лаконичным, как содержание. Записка заставила Ташу неверяще уставиться на буквы, прыгающие перед глазами, словно их заколдовали.

Удачно. Невероятно. Зеркальце... судя по рунной филигранной крышке, для связи... и место. Карта Равнинной провинции сама всплыла в памяти; точка с нужной подписью, за которой скрывался небольшой городок на востоке Долины, подтвердила, что Таша не зря учила краеведение.

Кто бы ни назначил похитителям эту встречу, их ждут в Пвилле.

Ташу там не ждут, но она там будет.

Сборы много времени не заняли. Сперва наспех перевязать руки, смазав ладони целебной мазью. Потом надеть первое, что попадётся в шкафу. Выгрести из тайника на кухне кошель с деньгами и украшениями. Покидать в сумку всю снедь, что найдётся. Навесив замок на входную дверь, со всех ног рвануть к конюшне, пока кровь снова выстукивает в ушах *«догнать, найти»*. Думать ни о чём другом — особенно о могиле на заднем дворе — Таша себе не позволяла. С этого момента она потеряла право плакать.

Оседлав и выведя за калитку сонного Принца, Таша вспрыгнула на коня. Мельком оглянувшись на дом, в котором она выросла и который видела, возможно, в последний раз, хлопнула Принца по боку — тот порысил вперёд, мимо листовенного моря, зелёных волн беспокойной листвы и сердечек незрелых яблок.

Хорошо, что нет у них ни коров, ни кур — могут себе позволить покупать еду у соседей, — и живность не останется взаперти, голодная...

Тропинка меж лугов, уводившая к Долгому тракту, встретила сумрачной тишиной. Осадив коня перед развилкой, Таша посмотрела на улицу, убегающую к центральной площади: крышу дома Гаста она видела даже отсюда. Дым над трубой не вился — в этот час, когда в небе ещё не проявилась Аерин, рождавшаяся и умиравшая каждый день, спали даже самые трудолюбивые.

Повернуть или нет?..

Принц недовольно топтал дорожную пыль, пока Таша смотрела на черепичный скат, рыжевший над древесными кронами — дом Гаста вместо яблонь окружали вишни, ирга и бузина.

Повернуть. Постучаться. Рассказать всё старосте и пастырю, попросить помощи, поплакать на плече Гаста... Или просто тихо разбудить друга и предложить отправиться с ней — на встречу приключениям, о которых он так мечтал...

Хотелось бы ей, чтобы хоть одна из этих дорог была ей открыта.

Направляя Принца на тропинку, убегающую прочь из Прадмунта, Таша почти до крови закусил губу.

У неё нет права втягивать в это Гаста. Ни Гаста, ни кого-либо ещё. Хотя бы потому, что убийцы знали то, о чём не должна знать ни одна живая душа, и кто бы ни отправился с ней, рано или поздно он тоже об этом узнает. Никто не может разделить с ней ту единственную дорогу, по которой теперь Таша могла — и должна — идти. Чтобы у них с Лив остался хотя бы шанс выжить, она должна справиться сама. Одна.

Одна, без мамы, одна, совсем...

Рыдания снова сжали горло, но так и не вырвались.

На тракт Принц выбежал рысью: даже сейчас Таша не решилась с ходу срывать коня в галоп, дав ему размяться

и разогреться. Фыркнул, когда Таша осадила его, снова колеблясь.

А если записка не имеет отношения к Лив?..

Таша смотрела на тракт, выходящий за горизонт среди туманных лугов с редкими перелесками и пятнами мелких озёр. Оглянулась через плечо, словно грунтовая дорога могла подсказать, в какую сторону ей ехать.

Если сейчас Лив везут вовсе не в Пвилл...

...если, отправившись туда, она только потеряет бесценные дни...

Чувствуя, как её начинает трясти, Таша судорожно дёрнула головой, снова посмотрев на дорогу перед собой. Разглядев зорким глазом оборотня среди дорожной пыли что-то чересчур синее, чтобы оно могло быть органичной частью пейзажа, подвела Принца ближе.

Ленточка. Синяя ленточка, выпавшая из чьей-то худенькой косички. Слишком далеко, чтобы её могло отнести туда ветром.

Особенно в безветренный день.

Когда Таша всё же направила Принца на юг, в сторону Равнинной, тот пропустил по тракту ровной мягкой иноходью, которой славились льфэльские жеребцы.

Иных зацепок у неё в любом случае нет. Даже если Лив не в Пвилле, там должен быть кто-то, кто знает наёмников. Видел. Слышал. О том, что будет дальше, Таша пока не задумывалась, но почему-то была уверена, что выход найдётся.

В конце концов, иного выхода, кроме как найти его, у неё нет.

Таша скакала сквозь свежий летний сумрак, пока по её левую руку медленно разгорался рассвет.

Всё просто: текущая цель — доехать до Пвилла. И гнать мысли, что эта погоня — глупость, что выследить похитителей невозможно, что даже если она их выследит... нет, сказано же, гнать. Вместо того, чтобы видеть проблемы в задачах, лучше видеть задачи в проблемах. Задачи эти надо решить, одну за другой, по мере поступления — и всё будет хорошо. Пусть пока непонятно, как, но будет. Не может же мир быть устроен так странно, бессмысленно и несправедливо, чтобы вышло иначе.

О прочих несправедливостях — уже свершённых и доказанных — она подумает потом.

— Вижу, ты так и не усвоил второй блок Норлори, — констатировал Герланд, пока Алексас поднимался с дощатого пола.

— Просто вы сегодня на редкость быстры, — буркнул юноша, пытаясь оценить размеры будущего синяка на скуле.

— Не всё же тебя щадить. — Альв вскинул клинок, и зеркала по стенам фехтовального зала повторили его движение. — Раз ты забыл, то второй блок Норлори защищает от высоких ударов, если те следуют за рубящей атакой в корпус. Каким был мой, который ты пропустил. Итак, встаёшь в «нисходящий смычок»... нет, руку с мечом поднимаешь вот так... да, вот так. Теперь смотри: я бью поверх твоей руки — запястье в пронации¹, удар горизонтальный, проходит слева. Чтобы защититься, подними руку...

— Я знаю, — огрызнулся Алексас, приняв клинок учителя на лезвие ближе к эфесу.

— Ты это будешь говорить противнику, когда тебя зарубят?

Вспыхнув, Алексас безукоризненно провёл удар в верхнюю часть лица, но меч прошёл сквозь голову альва, словно вместо неё встретил один лишь воздух. Альвийские штучки, чтоб их!.. Звёздные Люди и привычные законы материальности были понятиями не то чтобы несовместимыми, но совместимыми скверно.

— Неплохо. Да, этот удар является оптимальным ответом: из такой позиции противнику сложно быстро вернуться в защиту. — Отступив на шаг, Герланд бесстрастно откинул кудри с гладкого лба. — На сегодня всё. Чтобы до завтра отработал Норлори, я проверю.

Алексас смотрел, как учитель покидает зал. Подошёл к одной из зеркальных стен и смерил мрачным взглядом собственное отражение.

Сплюнув в сторону, вернул тренировочный меч на стойку.

— *Сила и разум*, — произнёс он, закрывая глаза, — *ключи от всех дверей*.

---

¹ Положение руки в фехтовании, когда кисть руки повернута пальцами вниз.

Никаких завихрений пространства. Никаких полётов и провалов в сияющие порталы. Но когда Алексас посмотрел перед собой, вместо фехтовального зала его окружали светлые стены гостиной, в которой они так часто пили вечерний чай.

Штаб-квартиру «Тёмного венца» защищали филигранно сложные чары, в народе известные как «феномен разделённых пространств». Суть их заключалась в том, что в одном особняке мирно сосуществовали два разных здания: словно в одну коробку вложили другую, лишь немногим меньше по размеру, но неведомым образом не занимавшую ни капли того пространства, куда её поместили. В итоге обе коробки можно было наполнять и использовать по своему усмотрению, так, будто они просто стояли рядом. Даже проберись в дом посторонние, они оказались бы в домашней обители магистра Торнори: в штаб-квартиру могли попасть только избранные, знавшие пароль. Пароль, в свою очередь, позволял перемещаться между зданиями, даже находясь внутри одного из них.

Надо сказать, братьям Сэмперам повезло, что они находились в городе на легальном положении. По законам Подгорного королевства политических преступников не выдавали властям Срединного, но при опознании шпионами, коих в Камнестольном хватало, преступников вполне могли захватить тайно. Иные члены Венца все годы, минувшие с Кровеснежной ночи, провели преимущественно в штаб-квартире, ибо лишь туда королевским ищейкам вход был гарантированно заказан.

— Всё-таки ты невыносимый гордец, — высказался Джеми, пока Алексас шёл по узкому коридору, расписанному пейзажами лесов и холмов: магистр Торнори в своё время обустроил дом с уютом. Гулкий каменный пол чуть слышно отвечал его шагам. — На уроках ведёшь себя абсолютно несносно.

— У меня плохое настроение.

— А, ну да. Уже две ночи убил на медовые речи, а на балкон тебя так и не пустили...

Алексас, не ответив, хлопнул дверью спальни, которую последний год они снова делили на двоих — как в детстве. Достав из шкафа баночку с лекарством, подошёл к зеркалу на стене, чтобы щедро натереть скулу прозрачной мазью.

— Однажды я его одолею, — сказал Алексас, когда по комнате поплыл острый аромат пронзительно-пряных трав.

— Одолеть альва может разве что амадэй какой-нибудь. Герланд сам говорил.

— Я помню. И я всё равно его одолею.

— Когда-нибудь и я магистра одолею. Может быть, — добавил Джеми с сомнением. — Ничего, тяжелее всего в учении!

Алексас промолчал, наблюдая в зеркале, как свежая ссадина подживает на глазах. Когда от наглядной оценки за урок осталась лёгкая краснота, перевёл взгляд выше, на отражение портрета рядом с кроватью.

Нарисованные лица родителей одобрительно посмотрели на него в ответ.

До того, как тело Алексаса погребли в семейном склепе Торнори, он поразительно походил на отца. Высокий, широкоплечий, даже глаза одинаковые — пронзительно-синие, с жёлтым ободком вокруг зрачка, похожим на крохотную золотую корону. Отец носил усы и бородку, Алексас от них отказался — по мнению Джеми, зря: с усами и бородой выходил вылитый паладин со старинных гравюр. Зато младший Сэмпер уродился в мать, получив в наследство кудри, веснушки, светлые васильки в глазах и невыносимую женственность черт. Хоть рост ему достался отцовский, но эта материнская тонкая кость...

Иногда Джеми с отвращением думал, что обряды его в платье, и из него вышла бы симпатичная девочка. Тем хуже, что симпатичная.

Не считая воспоминаний брата, родителей Джеми знал только по портрету. Зато Алексас помнил и отца, и мать, и их убийцу: девушку с окровавленным мечом, не альвийку, но с альвийскими искрами в бесстрастных тёмных глазах. Он постоянно её вспоминал — чтобы не забыть до поры, когда сможет найти. Что найдёт, Алексас не сомневался: убийца могла быть только полуальвом, а таковых по Срединному разгуливало совсем немного.

Именно поэтому Алексас так стремился одолеть Герланда, а Джеми силился освоить все боевые каскады. Пусть младший Сэмпер убийцу родителей не помнил, зато прекрасно знал, кто повинен в Кровеснежной ночи — и на чьих руках в конечном счёте вся кровь, что пролилась тогда во дворце.

— Ладно. К сегодняшней ночи готов, — когда Алексас отвёл взгляд от портрета, в голосе его не было и тени сентиментальности. — А тебе пора на урок.

— Ты опять под тот балкон собрался?!

— Пристрастия друг у друга мы пока не позаимствовали. Если тебя погружение в новую книгу приводит в экстаз, мне для этого требуется погружение несколько иного рода.

Фыркнув, Джеми перехватил контроль над телом и побрёл в кабинет магистра.

Учитель дремал в кресле, окружённый книжными стеллажами, ароматом бумажной пыли и косыми тенями: они тянулись к стенам, точно хотели уползти от тёплого света в центре комнаты. Когда Джеми аккуратно затворил дверь, магистр Торнори открыл глаза — одновременно с тем, как щёлкнул замок.

— А, Джеми. — Магистр давно научился отличать ученика от его соседа по телу. Если верить Найджу, перепутать их с Алексом было сложно; Джеми это не удивляло. — Садись.

Другое кресло само собой выдвинулось из-за письменного стола, чтобы дорогой воспитанник мог занять место напротив. Учитель для этого лишь едва пальцами шевельнул — Джеми завистливо шмыгнул носом.

Ничего, однажды и он так сможет. А пока...

— Слышал я, что вчера ты едва не лишился сознания, — сказал магистр, пока зелёные, как яблонева кожа, глаза изучали лицо ученика. Взгляд, слишком цепкий для добродушного старика, многих заставлял робеть. Джеми и сам когда-то его побаивался, пока не понял, что эта цепкость никогда не прячет недобрый интерес; не с ним, во всяком случае. — На вашем уроке с Найджем.

Джеми понуро кивнул.

— И случилось это, когда ты дерзнул сотворить каскад Шелмори-Дэлура, твой интерес к коему я давно заметил, но настоятельно просил тебя не...

— Я бы справился! Честно! Просто это был седьмой каскад подряд, и Найдж меня уже час гонял, и...

— Я не собирался тебя журить. Давно убедился в тщетности любых попыток. — В яблоневых глазах, обрамлённых подёрнутыми сединой ресницами, мелькнула улыбка — там разглядеть её было проще, чем в бороде. — Но дабы в другой раз тебя не пришлось отпаивать зельями и срочно восстанавливать твой резерв, сегодняшний урок мы посвятим тому, как заимствовать магическую энергию извне.

Джеми заинтересованно следил, как учитель складывает ладони ковшиком, чтобы над ними вспыхнуло весёлое рыжее пламя.

— Напомни мне, — сказал магистр, — что такое магия.

— Дарованная нам сила, с помощью которой маг изменяет мир так, как требуется ему.

Ответ Джеми отчеканил, не задумываясь. Учитель слишком часто это повторял, чтобы можно было не запомнить, даже будь он куда менее старательным учеником.

— Верно. — Огонь растёкся вширь, приняв форму диска, чтобы следом превратиться в идеальный шар — с поправкой на всплески беспокойных язычков. — Мы находим нужные слова, дабы мир нас услышал, и нужные руны, дабы присвоить предметам особые свойства. Мы отдаём свою силу, дабы зачаровать артефакты или придать форму той энергии, что разлита вокруг нас. Вот почему, если энергия эта не достигает цели, отражённые заклятия проявляются огнём, льдом или водой... мы сплетаем свою силу с силой стихий, одной или нескольких, и результат этого плетения — то, что мы зовём чарами. Они влияют на мир и заставляют происходить то, что без магии было бы невозможным. Сотворить огонь из воздуха — лишь простейший из трюков. — Магистр коснулся огня ладонью, словно перед ним парил мяч для детской игры. — Как ты знаешь, порой наших сил недостаточно. Порой мы отдаём всё, что у нас есть, и этого не хватает, чтобы переплести ткань мироздания по нашей прихоти, ибо ткань эта отчаянно сопротивляется...

— Десять ступеней, — нетерпеливо кивнул Джеми.

За годы, проведённые под этой крышей, он почти привык, что опекун повторяет и растолковывает давно известное. Таким был его подход: разжевать информацию и положить в рот, затем вынуть и прожевать ещё раз, чтобы повторить процедуру при необходимости и без. Не лениться в десятый раз напомнить базовые свойства боевых каскадов, прежде чем рассказать о новом (вдруг успели забыть). Объяснить, зачем при выходе на поверхность зимой надо непременно надеть шапку. Это делало его превосходным учителем для любого малыша — и слишком скучным для ребёнка выросшего, с хорошей памятью, голодного до новых знаний. Потому Джеми стыдливо радовался, что в последний год Найдж занимается с ним не

в пример чаще: магистр души не чаял в младшем ученике, но дела сообщества требовали времени и сил, которых у старого мага становилось всё меньше.

— Да, потому заклятия и поделили условно на десять ступеней. Согласно мощи, с коей они воздействуют на мир. Согласно могуществу, коим требуется обладать, дабы они возымели действие. Дабы отроки вроде тебя не выжигали себя дотла, пытаясь сотворить чары, что подвластны лишь могущественнейшим. — Магистр ожидаемо не воспользовался возможностью сократить лекцию. — Мы не можем творить заклятия сильнее, чем дозволено резервом наших сил. Ты пока не сумеешь открыть портал. Я не смею обратить горы над нами в прах. Но если мы доберём требуемые для сей цели силы извне, добавив к собственным...

— Вы ведь не о жертвоприношении говорите, надеюсь, — сказал Джеми тихо.

Учитель, осекшись, посмотрел на него пристальнее прежнего.

— Как подобное взбрело тебе в голову?

— Человеческие жертвы помогают расширить магический резерв. Перескочить на следующую ступень. Эффект перманентный. Я читал.

Под острым, словно оценивающим взглядом ему всё же сделалось почти неудобно.

— Нет, Джеми, — сказал учитель наконец. — То, что я покажу тебе, обладает лишь сиюмоментным эффектом. Но, полагаю, ты, как и я, предпочтёшь это эффекту перманентному... с его страшной ценой. — Он аккуратно переложил огненную сферу из руки в руку. — Творя заклятие, маг выплескивает в мир собственную силу. Концентрирует энергию стихий в одной точке. Если тебе ведомо, как, ты можешь забрать эту силу и эту энергию себе.

— Силу чужого заклятия?

— Взгляни на магический эфир моего огня.

Джеми сощурился. К тому, что видел человеческий глаз, добавил ещё один слой — вокруг оранжевого шара задрожал ореол размытого фиолетового сияния, рождённого сплетением алых и синих стихийных нитей, союзом воздуха и огня.

— Теперь забери часть эфира себе.

Джеми поднял растерянные глаза.

— Как?

— В том вся соль и сложность. Способ у каждого свой. — Никто бы не прочёл в морщинистом лице любопытство, но Джеми знал своего наставника слишком хорошо. — Я черпаю эфир, словно ложкой, и глотаю, если это можно описать столь простым словом. Ты можешь сделать то же... попробовать, по крайней мере... но каждому скорее подходит его единоличная метода. Прежде всего очисти сознание, а далее...

Джеми зажмурился, недослушав.

Огонь, магистр, кабинет исчезли. Лишь фиолетовый шар продолжил сиять во тьме перед смежёнными веками: эфир, как и потоки силы, маг скорее чувствовал, чем видел, — особым шестым чувством, недоступным простым смертным. Некоторым магам даже удобнее было рассмотреть эфир с закрытыми глазами, исключительно внутренним взором. Джеми пока легче концентрировался на видимом объекте, хоть это и было не совсем правильным: редкие чары позволяли разглядеть себя обычным зрением.

Забрать часть себе. Черпать, словно ложкой.

Сказать проще, чем сделать.

Он представил, как тянет руку к шару, чтобы оторвать от него кусочек, но настоящая рука слишком отчётливо напоминала уму, что на деле она мёртвым грузом лежит на колене. Не то... Вдыхая на счёт два, Джеми позволил спокойной пустоте заполнить сознание. Раз, два — вдох. Раз, два — выдох.

Вот так.

Не сбиваясь с мерного дыхания, он вернул мысли к текущей задаче. «Единоличная метода»... А что, если попробовать *вообще* другой подход? Ведь забирать в любом случае тяжелее, чем принимать. Если представить, как эфир сам тянется навстречу, протягивает от шара тоненькую ниточку — к нему, как эта ниточка обвивается петлёй вокруг руки, стягивается, впитываясь в кожу...

Странное ощущение, будто он вдруг глотнул горного воздуха, вскружило голову. Одновременно с тем, как шар погас, оставляя его в черноте.

Когда Джеми открыл глаза, магистр улыбался: впервые за долгое время так, что разглядеть эту улыбку можно было не только во взгляде.

— Невероятно, — проговорил он. — На первом же уроке — то, что Найдж так и не освоил.

Едва зародившееся чувство триумфа, подкреплённое лёгким опьянением, с каким разливалась в крови чужая сила, тут же сменилось стыдом.

— Вы этого не сказали, — сказал Джеми, сам не понимая, зачем оправдывается. — Что это так трудно.

— Ты не ведал о возможности поражения и не проиграл, ибо не страшился его. Твоя сильнейшая сторона. Ты твёрдо веришь, что при благоприятных обстоятельствах тебе под силу едва ли не всё, что угодно, а если не под силу сейчас, ты всяко овладеешь этим в будущем. Эта вера — то, без чего не может обойтись истинный маг. То, что помогает топить ткань мироздания, словно воск, и лепить из неё всё, что вздумается. — Учитель откинулся в кресле, улыбаясь так, что даже зелень его глаз сделалась ярче. — Ох, Джеми... надеюсь, что проживу ещё столько, сколько требуется, чтобы увидеть твой расцвет. Лучшего ученика, что я взрастил за три сотни лет. Истинного моего преемника.

— Найдж — ваш преемник.

Он сказал это очень тихо. Скорее пробормотал. И магистр, естественно, всё равно услышал.

— Найдж — мой лучший ассистент, он мне как сын, но я не могу передать ему всего, что могу передать тебе. — Он пожал плечами так отстранённо и задумчиво, что Джеми сделалось почти больно. — Он усерден, он умён, он хорош в теории магии, анализе и совершенствовании чар, и это не отменяет того, что многие вещи ему попросту неподвластны. Всё одно что лепить скульптуру из неподатливой глины.

— Вы же не просто так сделали его своим ассистентом.

— Вернейший ученик и лучший ученик не всегда едины. Помощник — это одно, тот же, кого ты хочешь и сможешь однажды назвать равным себе — другое. Каждый на склоне лет задумывается, что он подарил миру после себя, и я за жизнь совершил немало, но что из этого меня переживёт? Что останется под лунами такого, на что я смогу указать Богине при встрече и ответить «вот то, ради чего мне стоило появляться на свет»?

— Сообщество. Венец.

Это Джеми сказал ещё тише: внезапные откровения, к угрызениям совести добавившие мысли о том, о чём Джеми думать совершенно не хотелось, совершенно сбивали с толку.

— Венец — детище Герланда. Я лишь его сподвижник. Я буду рад, коли моё скромное участие поможет сместить узурпатора и вернуть на престол наследников Ликбера, но... — магистр качнул головой, и длинная борода пощекотала его сцепленные руки, — всякий учитель мечтает оставить после себя того, кто превзойдёт его. Я рад, что на закате дней мне выдался этот шанс.

Джеми, вконец стусевавшись, угрюмо потупился.

О смерти кого бы то ни было из Основателей он предпочитал не думать. И в смерть их категорически не верил — не в ближайшие лет двадцать, во всяком случае. Колдуны и альвы живут куда дольше людей, а что до насильственной смерти... Ха. Попробуйте сладить с великим магистром Торнори и Найджем, прекрасным колдуном, что бы там магистр ни говорил. Или с одним из Звёздных Людей...

Правда, подобные мысли Джеми держал при себе. Основателям они не нравились. Особенно Герланду, который в ответ на них всегда плевался чем-нибудь в духе «наивный недоносок».

— Возвращаясь к уроку, — сказал магистр, когда в тишине стало слышно, как на улице грохочут по брусчатке колёса. — Мы не можем забирать силу напрямую у стихий, окружающих нас, или у противника, хотя это решило бы немало проблем. Мы не можем нейтрализовать заклятие, «выпив» его силу досуха. Впрочем, чем сильнее заклятие, тем больше сил выплёскивает маг, тем ярче стихийная энергия и тем больше ты можешь почерпнуть. В бою для этого далеко не всегда выдаётся время и возможность — брать силы из огня проще всего, но не все чары действуют так долго. Однако...

— А можно я попробую открыть портал? Зачерпнув вашу силу?

Краем глаза (он всё ещё не решился поднять головы) Джеми заметил, как учитель в замешательстве теребит бороду.

— Для этого мне надобно сотворить нечто помощнее простого огонька. Умолчу уже о том, что перемещения в пространстве опасны даже для тех, кому хватает резерва на заклятия шестой ступени, ведь...

— Я читал теорию. *Учил* теорию.

Чувство «что-то не так» пришло не сразу. Сперва Джеми решил, что отсутствие ответа и повисшее меж двумя креслами молчание — напоминание, что перебивать невежливо.

Лишь потом заметил, что морщинистые пальцы сжались в кулак, стиснув бороду, как спасительную соломинку.

Когда Джеми посмотрел учителю в лицо, яблоневые глаза глядели чуть выше его плеча: куда-то — и в никуда, расширенными зрачками, делавшими их почти чёрными.

— Учитель?..

— Дар, — хрипло выдохнул тот. — Мой дар... дал о себе знать.

Джеми ощутил, как его ногти нервно пытаются прорвать штаны на коленках.

У магистра Торнори был особый дар: он предчувствовал как радости, так и беды тех, кто близок к нему. Правда, если в молодости придворный маг Короля Подгорного безошибочно угадывал, с чем связано то или иное предчувствие, к старости восприимчивость его несколько угасла.

К примеру, год назад магистр ощутил смутное беспокойство за Алексаса, однако не отсоветовал ему рейд в Прэкильскую тюрьму.

— И... что он говорит?

— Грядёт что-то ужасное.

Тени, таившиеся по углам, выплеснули в кабинет зловещую тишину.

— Конечно, — пробормотал Алексас. — Хоть бы раз на моей памяти посулил, что в нашу нелёгкую жизнь наконец-то прольётся бочка мёда. Например, Его Величество очень кстати подавится костью и сдохнет в расцвете лет.

По обоюдной договорённости тот, кто не управлял телом, старался не комментировать происходящее, если только к нему не обращались напрямую. Чтобы не мешать другому жить. Но сейчас непрошенный сарказм пришёлся как нельзя кстати — помог сбросить оцепенение, которым сковала тело холодная жуть.

— И кто... в опасности?

— Все. — Прикрыть глаза, пытавшиеся разглядеть, что таит зубастая тьма грядущего, далось учителю не без труда. — Ты. Алексас. Найдж, Герланд, Бэрри...

— Вы уверены?

Джеми сам понимал, что это звучит жалко. Оскорбительная ниточка, за которую он пытался ухватиться для самоуспокоения.

Только вот учитель и сам жаждал бы ошибиться.

— Нет. В последние годы я не могу быть в нём уверен. Но будь осторожен... будьте — оба. — Наконец разжав пальцы, магистр позволил руке устало упасть на колени. Следом за ней на тёмный лён домашней мантии упали несколько серебряных волосков. — Ступай, я... мне надобно обдумать всё это. Не говори пока никому.

Пояснять, что именно не говорить, не требовалось. Как и то, что урок окончен.

Прежде чем Джеми взялся за дверную ручку, та провернулась сама собой, и колдовство здесь было ни при чём.

— Простите, что вторгаюсь во время урока, — жизнерадостно начал Найдж вместо приветствия, — но я тут смешивал кое-какие компоненты для бальзама и получил неожиданную реакцию, так что решил проконсультироваться, прежде чем... Джеми? — едва не врезавшись в ученика, колдун озадаченно замер на пороге. — Уже уходишь?

— Мы сегодня закончили раньше, чем думалось. — Ответ из кресла был таким непринуждённым, что даже Джеми с трудом вспомнил, сколько боли и страха звучало в словах хозяина дома момент назад. — Представь себе, с первой попытки позаимствовал эфир моего заклатья.

Секундное замешательство, отделившее это известие от улыбки Найджа, от Джеми не укрылось.

Едва ли ассистент магистра мог забыть, что ему заимствование эфира не удалось ни с первой, ни с сотой попытки. Едва ли ему могла понравиться горделивая бесцеремонность, с которой об этом напомнили. Но...

— Ничего себе. — Когда Найдж потрепал Джеми по кудрявой макушке, в голосе его звучала одна лишь гордость. — Ребёнок, а твоё имя точно Джеми? Может, тебя на самом деле звать Ликбер Великий Второй, а я и не знаю?

Таков он был. Никакой зависти. Никакой ревности. Никогда. Хотя Джеми понимал, что Найдж, мальчик-сиротка, которому магистр заменил отца, не мог не ревновать к другому мальчи-

ку-сиротке. Более достойному, более талантливому, гордость за которого даже не пробовали скрывать. Тогда как тебе гордиться только именем учителя да званием бакалавра, полученным незадолго до сорока, когда иные уже лицензиаты или даже доминусы...

— Куда мне до Ликбера, — буркнул Джеми, поднырнув под рукой Найджа к выходу, просто чтобы спрятать пылающие от стыда щёки.

Проклятье. Чего он стыдится? Дара, полученного от Богини? Того, что ревности Найдж предпочёл любовь? Того, что его второй учитель слишком хороший, чтобы давать волю нехорошим чувствам? Особенно направленным на дорогого сердцу наставника, который ни в чём не виноват, и дорогого сердцу ученика, который тоже не виноват, что его ценят и любят больше...

— Для начала поздравляю, — сказал Алексас, пока Джеми понуро брёл обратно в спальню, а по его правую руку уплывали за спину рисованные горы. — В очередной раз заставил меня утереть скучную горделивую слезу.

— Можем обойтись без предварительных комплиментов. Что думаешь?

— Однажды, братишка, ты дорастёшь до принятия простой истины: предварительные ласки облегчают любое дело. Чужое самолюбие само себя не погладит. Другие части себя гладить проще, не спорю, но ведь приятнее, когда...

— Ты отвратителен, и я надеюсь, что умру раньше, чем стану таким же. — Джеми пожалел, что зачарованные метлы убирают дом слишком хорошо, и под ногами не отыщешь ничего, что можно было бы смачно пнуть. — Ты тоже думаешь, что это... что-то ужасное... связано с «крысой»?

— Наверняка. — Старший из братьев Сэмперов помолчал. — Знаешь, я тут подумал... защита штаб-квартиры безупречна. Заклятие замкнуто на жизнях Основателей. Его собственноручно творили Герланд и магистр Торнори. А потом кто-то берёт и так просто меняет альвийские чары...

— На что ты намекаешь?

— «Крыса» наверняка посвящена в секреты охранной системы.

Джеми застыл, уже занеся ногу, чтобы переступить порог спальни.

Это едва не стоило ему расквашенного носа.

— Ты серьёзно? — кое-как удержав равновесие, он шмыгнул в комнату, хлопнув дверью так, словно за ним гнались. — Считаешь, кто-то из Основателей?..

— Да, я тоже не хочу об этом думать, но...

— Да не могут это быть они! В сообществе помимо Найджа с магистром ещё пятнадцать колдунов, кому-то из них в чарах разобраться наверняка под силу!

Старший из братьев Сэмперов снова помолчал.

— Иди читай своего Джорданесса, — сказал Алексас наконец. — Скоро всё узнаем. Надеюсь.

Джеми не стал спорить. Он предпочитал думать о Риконе, которому предстояла финальная схватка с коварным магистром, нежели о том, что один из его близких может оказаться...

Да нет, даже в мыслях звучит абсурдно.

Устало плюхнувшись на кровать, Джеми потянулся за книгой — та ждала своего часа на тумбочке, как и другие. Книжки оккупировали примерно все поверхности, куда только может уместиться стопка томов, смешавшая в себе магические трактаты с приключенческими романами.

Подозрительно осведомился:

— И ты не хочешь вернуть себе контроль?

— Предпочту оставить время на вечер.

— Он же поход под чужой балкон.

— Именно.

— А как же «будьте осторожны»? Опасность грядёт, всё такое?

— Опасностей бояться — заговорщиком не становится.

— Понятно. Слостолюбец паршивый.

— Я тоже тебя люблю.

* * *

Когда тракт уткнулся в дубовые ворота с расплывшимся от них высоким частоколом, ночь уже присыпала небо звёздной пылью.

Завидев впереди жилые огни, Таша заблаговременно перевела коня на шаг. Когда тот восстановил дыхание, она спрыгнула наземь; морщась, стянула замшевые перчатки — мазь подживила руки, но не до конца.

Одежда, которую Таша выдернула из шкафа, оказалась не самой практичной. Практичной одежды там вообще было не так много. Она редко жалела, что мама одевает её не по-крестьянски, но сейчас предпочла бы путешествовать не в плаще тёмного бархата поверх длинного платья из плотного хлопка, не говоря уже об атласных туфлях. Днём солнце палило всюду, а море разнотравных лугов по обе стороны тракта застыло в безветрии; по пыльной дороге плыло тягучее жаркое марево, скапливаясь в низинах, смеясь над ней миражами отражённого неба, так похожего на лужи. Хорошо хоть Озёрную провинцию испещряли реки и речушки, соединяя друг с другом озёра и озёрца. Таша несколько раз сворачивала к ним с тракта: дать Принцу отдохнуть, остыть и глотнуть воды, а заодно выкупаться самой. Первый раз — смывая с кожи землю и кровь, потом — дорожную пыль и усталость.

Льфэльские кони сполна стоили своих денег. Таша не знала, выдержала бы обычная лошадь подобную гонку, а Принц даже не взмылился особо...

По пути им часто пришлось обгонять длинные воловьи обозы: сцепленные друг с другом повозки, где меланхолично посвистывали возницы, скучали нанятые стражники, под брезентом угадывались груды товара, а рядом спали прихваченные в трактирах путники. Путешествовать обозами было долго, но затраченное время с лихвой компенсировала надёжность, относительное удобство и смехотворная цена. Порой Таше приходилось сворачивать к обочине, уступая дорогу громоздкой карете, и по внешним атрибутам угадывать, кто внутри. Пара лошадок и простенький экипаж — торговец или зажиточный горожанин. Четвёрка коней и дорогая отделка — знать или советник. Если бы на обильно позолоченной дверце красовался герб, на крыше восседали стражники, а позади тряслась карета-другая с челядью — встречайте герцога или его семейство. Ну а когда чёрную карету украшает лишь герб, но за ней следуют ещё три экипажа, и на крыше каждого прохладается парочка людей в тёмных одеждах, чрезвычайно мирных на вид, — значит, за непрозрачными окнами дымчатого стекла восседает сам князь...

Впрочем, ни герцогов, ни князей Таше в пути повстречать не пришлось. И кареты их она помнила лишь по Осенней ярмар-

ке, на которой в детстве побывала в Нордвуде. В конце концов, князей всего четверо, а за управлением провинциями остаётся не так много времени для разъездов.

Долгий тракт являл собой не самый короткий, но самый безопасный путь через Срединное королевство. Земли вокруг него редко бывали безлюдными: с обеих сторон к тракту лепились многочисленные деревеньки, которые постепенно перерастали в городишки и города. Самые крупные приходилось огигать по объездным путям, но много времени это не отнимало.

Выдернув из сумки дорожный кристалл — палочку розового кварца размером с палец, — Таша неуверенно стукнула в смотровое окошко.

За минувшие часы она немного упорядочила мысли. Долгие поездки располагают к размышлениям по одной простой причине: кроме как думать, больше делать нечего. Но ответа на вопрос, зачем *им*, знакомым в лицо, но неведомым *им* понадобилось... делать то, что *они* сделали, Таша так и не нашла. Она знала, чем их семья могла кому-то помешать, и наёмникам это также явно было известно, но почему забрали не Ташу, а Лив? Почему уби... убрали маму, которая сказала бы им всё, и похитили малышку, ничего не знавшую? Почему...

Сплошные вопросы — и лишь одно знание: дороги назад нет. И не будет.

Смотровое окошко в воротах наконец распахнулось.

— Кристалл, — выждав несколько секунд, ленивым басом подсказал громила-привратник, встречавший путников по ту сторону.

Поспешно вручив требуемое, Таша наблюдала, как громила лениво достаёт из кармана рунную пластину. Касается кристаллом меди, отполированной до зеркального блеска, чтобы там моментально проявилось девичье лицо с педантичной подписью «Тариша Мариэль Альмон Фаргори, Прадмунт, Озёрная»; в почерке будто угадывались завитушки их пастыря, хотя Таше могло и казаться.

Кристалл Таша, как и всякий житель Срединного, получила вскоре после рождения, и до этого дня ни разу не наблюдала, как он действует (Мариэль Фаргори избегала дальних путешествий по той же причине, по которой их семья могла кому-то помешать). Но не удивилась, что лицо на пластине точно ко-

пирует её собственное. Кристалл, в конце концов, был магическим, так что корректировал вложенный в него портрет каждый раз, когда владелец брал его в руки.

— Едем куда и зачем? — уточнил привратник, пока глаза, белевшие на загорелом лице, рассеянно вчитывались в её имя.

— Мне вообще в Пвилл, — сказала Таша ровно и вежливо. — Но хочу здесь переночевать. В Приграничном.

Касательно «переночевать» она, конечно, преувеличила. Однако Принцу требовался отдых, хотя бы недолгий.

Ей казалось, что случившееся разбило её, разделило на две Таши. Одна — та, которой положено было плакать, — спряталась где-то глубоко внутри другой. Вторая лишь изредка, очень отстранённо удивлялась, что может думать, сносно держаться в седле, говорить, не сбиваясь в рыдания. Делать всё то, что делала бы на её месте девочка, у которой жизнь не разлетелась осколками, оставив голую, неприглядную раму; раму, что скалилась зеркальными зубьями и острыми кромками резала душу, кровью вычерчивая там *«ничего не вернуть, ничего не исправить, никого, кто мог бы помочь»*. Потому что помочь себе способна только она. Таша, маленькая девочка с двумя большими тайнами, каждая из которых может стоить ей жизни.

И если разоблачение первой — оборотничества — ещё оставляло мизерные шансы на выживание, то вторая...

Ворота ей распахнули без лишних слов.

— Трактир прямо перед вами, — вернув Таше кристалл, привратник подхватил с земли заряженный арбалет, чтобы его плечом поправить съехавшую на глаза шляпу. — Приятного пребывания в Приграничном... и в Равнинной... и вообще.

Таша повела Принца мимо бревенчатых домов и рыночных палаток, ночью пустовавших, к трактиру, что кутался в плющ за высоким плетнём.

Тракт оброс Приграничными селениями на каждой из границ, которую пересекал. Когда-то в них обитали лишь военные из приграничного гарнизона, теперь — ещё и торгаши. Долгий тракт соединял три королевства и все четыре провинции Среднего, и неиссякаемый поток путников приносил неплохие деньги.

Трактирщики в Приграничных на бедность тоже не жаловались.

Во дворе трактира было тихо и темно, лишь оранжевые лужицы света из окон расплывались на брусчатке. Вывеска с ядовито-жёлтым крылатым змеем ожидаемо гласила «Золотой дракон». Рядом с трактиром приткнулась таверна — оттуда летел звон кружек, обрывки смеха и разговоров, запах стряпни и хмеля, на который живот отозвался недовольным урчанием: со вчерашнего вечера у Таши во рту не было ни крошки, и если она об этом забыла, то её желудок нет.

Стоило пройти за гостеприимно открытые ворота, как откуда-то из темноты немедля вынырнул долговязый паренёк в мешковатых штанах, тут и там украшенных пёстрыми латками.

— Добрый вечер. — Он улыбнулся радостно и немного сонно, заправил под льняную рубаху нательный крест: шесть равных лучей в тонком круге, символ единства стихий, традиционный знак кристаллинской церкви. — Идите, а я вашу лошадку в конюшню отведу.

— Я сама его отведу.

— Да не бойтесь, я подмастерье конюха здешнего. Не умыкнёт никто вашего красавца.

— Я не за коня боюсь. Принц не любит чужие руки.

— Бросьте, я с любым слажу.

Мальчишка потянулся к поводу — и отшатнулся, когда конь протестующе встал на дыбы.

— Льфэльская жеребцы все с норовом. — Таша коснулась сознания Принца короткой и ласковой мыслью (простейший трюк из оборотнического арсенала). Дождавшись, пока конь успокоится, погладила мягкую белую морду и нежный нос. — Где конюшня?

Паренёк неодобрительно качнул головой, но, отвернувшись, призывно махнул рукой и побрёл в нужном направлении.

Заведя жеребца в стойло, Таша успокаивающе перебирала пальцами снежную гриву всё время, пока мальчишка опасливо рассёдлывал её коня. Принц недобро косился на него в ответ, но в присутствии хозяйки вёл себя смирно.

— Тебя как зовут? — решившись, спросила Таша осторожно.

— Шероном кличут, — буркнул паренёк, снимая со спины жеребца суконное покрывало.

— Шерон... могу я задать один вопрос?

— Смотря какой.

Таша облизнула губы, но волнение слишком сушило рот, чтобы это могло помочь.

— К вам... у вас сегодня останавливались... трое мужчин? С девочкой лет девяти? У одного на щеке шрам, как от когтей. Девочка темноволосая и темноглазая. Зовут Лив.

Шерон посмотрел на неё: глаза у него были большими, ярко-зелёными, кошачьими по чистоте цвета. Совестьливо потупившись, потянулся за щёткой.

— Не велено нам о постояльцах рассказывать.

Непослушными руками Таша достала из сумки кошель. Наугад вынув оттуда серебряную монетку, демонстративно покрутила её в слегка трясущихся пальцах.

Мальчишка тяжело вздохнул.

— А вам до них что?

— Девочка — моя сестра, — после секундного колебания честно ответила Таша. — Они...

— Украли её, да? — прочитав ответ в её лице, Шерон мрачно кивнул. — Я сразу понял, тут дело нечисто! Девчонка бледная, глаза неживые... тот мужик её за руку ведёт, а она перед собой уставилась и ноги так переставляет... как за ниточки кто-то дёргает.

— Мужчина... со шрамом?

— Он, он! Он и не прятался особо, даже капюшон не натянул. Я, видно, как-то не так на него посмотрел, когда лошадь брал. Он как зыркнул на меня... душа в пятки ушла. — Конюший рассеянно взъерошил жёсткие соломенные вихры. — Они тронулись часа два назад. Дальше по тракту поехали. Ишь, не бояться по темноте шастать... слышал, как они друг с другом говорили, прикидывали, когда будут в трактире другого Приграничного. Ну, которое на границе с Заречной. Встреча у них там назначена ночью завтрашней. Громко так обсуждали, при трактиршичке нашем и других постояльцах, смеялись даже...

Значит, похитители всё же едут не в Пвилл. Или поедут в Пвилл после того, как отвезут Лив в другое место... хотя это неважно.

Важно то, что Таша их почти нагнала.

— Вам к страже надо! И к магу какому. — Шерон встревоженно мотнул головой. — Может, командиру гарнизона здеш-

него сообщить? Он с заречными ребятами в Приграничном быстро свяжется, и...

— Нет. — Пальцы, больше не дрожавшие, до боли сжали серебряный кружок. — Никакой стражи. Никакого гарнизона. Это моё дело.

— Но...

— Шерон, мне никто не поможет. Только хуже станет. Поверь. И ты никому не говори. Ни слова. Пожалуйста. Хорошо?

Она сама затруднилась бы сказать, чего в её словах больше: просьбы или приказа.

Паренёк угрюмо уставился в землю.

— Хорошо.

Благодарно кивнув, Таша протянула ему монету, но тот помотал головой:

— Уберите.

— Тебе не нужны деньги?

— Я... просто помочь хочу. Вот что: у вас конь быстрый?

— Ещё какой!

— Они не больно-то спешили. И по тракту поехали, я видел. А вы можете срезать путь через Равнину.

От одного только слова по коже пробежали колкие лапки мурашек.

В Долине было много равнин. Но Равнина — одна.

— Я нарисую, как, — продолжил Шерон. — Если здесь не задержитесь особо, завтра их нагоните. Есть на чём рисовать?

— Нет...

— Ладно, идите, а я попрошу у дяди Рикона... это трактирщик наш, дядя Рикон... попрошу у него, что нужно. Как поедете дальше, я вам карту отдам.

Таша поймала себя на том, что грызёт губы.

На Равнину по доброй воле совались либо хабрецы, либо глупцы.

С другой стороны, в её случае вряд ли можно говорить о доброй воле.

— И как прикажешь тебя благодарить, если деньги тебе не нужны?

— Человек человеку друг, — назидательно изрёк Шерон, прилежно и бережно чистя Принца. — Лучшей наградой будет, если на обратном пути с сестрёнкой заглянете.

Позади послышался странный шелест; обернувшись, Таша настороженно замерла. Открытая дверь конюшни являла отличный вид на двор, через который к зданию трактира хромал некий человек в чёрном.

Он не походил на наёмников из маминых воспоминаний, пусть даже лицо его Таша разглядеть не успела — незнакомец отошёл слишком быстро, предоставив любоваться на его спину. Одежда другая, да и хромотой похитители не отличались. Но...

— Кто это?

— А, это? — приглядевшись, Шерон пожал плечами. — Постоялец наш. Дэй¹.

Глухой звук, с каким лошади перетирают зубами сено, пьяный шум из окон таверны, шелест его одежд... и лишь намёк на отзвук его шагов. Слишком тихий для простого человека, подволакивающего ногу.

От напряжения Таша почти шевелила ушами.

Приближение посторонних она даже в людском обличе слышала издалека. То, что этот мужчина оказался рядом с конюшней слишком незаметно и слишком вовремя, ей очень не нравилось.

— Подозрительный он...

— Да бросьте. — Шерон уверенно коснулся крестика под рубашкой. — Уж дэя можете не бояться.

Единственным дэем, которого знала Таша, был их прадмунтский пастырь. Самый страшный человек в деревне, даром что священнослужитель. И он немало поспособствовал тому, чтобы Таша приравняла понятие «дэй» к понятию «властолюбивый фанатик». То, что эти фанатики отлично умели маскироваться под добрых дядюшек, лишь усложняло ситуацию.

— Он вчера ночью раненый прибыл, — добавил Шерон. — На своих двоих. Сказал, волки на тракте лошадь загрызли и его чуть не прикончили.

— Волки? На тракте? Летом?

— Ага, странно. Наверно, это были неправильные волки.

— И как же он спасся?

— Ну, судя по тому, что меч он при мне чистил...

— Меч? У дэя?

---

¹ Священнослужитель (*алл.*).

— Знаете, когда путешествуешь... тем же волкам плевать, чем их еда занимается. А дэи — такие же люди, как все другие. Может, чуть постнее.

Таша молча следила, как незнакомец тяжело поднимается на трактирное крыльцо.

— Нога у него паршивая была. — Шерон старательно водил щёткой по бархатистой шкуре Принца, устало жевавшего сено. — Чудо, что он вообще дошёл. С такой-то раной. Но у него вроде с собой кой-какие мази были, и отлёживался весь день... правда, всё равно хромает здорово. Ему дядя Рикон предложил здесь коня купить, а дэй сказал, мол, денег у него нет.

— И как же он дальше?

— К обозу какому привяжется, видать. — Мальчишка решительно поднял голову. — Спать вам пора. И так времени малёк, если пораньше хотите выйти...

Таша кивнула. Бросила монету на землю.

— Можешь её не брать, но она всё равно твоя, — сказала она, отворачиваясь. — Спасибо, Шерон.

Когда она вышла, за её спиной оставались кони, конюший и тишина.

В трактире, украшенном листовенной резьбой по деревянным стенам, Таша заплатила за ужин и комнату, без вопросов отдав плату за целую ночь. Комнату она снимала впервые (со вчерашнего вечера ей много чего пришлось делать впервые), но в обмене монет на ключ не оказалось ничего сложного, а старик-трактирщик терпеливо ждал, пока она найдёт среди увесистой кучки меди и золота серебряный четвертак. Хотя стариком хозяина заведения можно было назвать с натяжкой: выправка, выдававшая отставного военного, и зоркие светлые глаза нивелировали морщины и седину в волосах.

Лишь когда под ногами хрустнула ступенька, Таша обернулась, вспомнив что-то очень важное.

— А... а может кто-нибудь меня разбудить через два часа?

Трактирщик кивнул без намёка на удивление или любопытство.

— Спасибо. — Поднявшись ещё на ступеньку, Таша вновь обернулась. — А настойки сон-травы у вас не найдётся?

— Найдётся. Служанка занесёт.

Второе «спасибо» вышло уже каким-то неловким, и это подстегнуло Ташу быстрее устремиться к верхним ступенькам.

— Фаргори-лэн¹...

Тихий оклик заставил настороженно застыть. Даже несмотря на то, что Таша почти сразу вспомнила: её имя старик прочёл в расчётной книге, где она расписалась моментом ранее.

Когда она обернулась в третий раз, трактирщик изучал её долгим взглядом, от которого во рту снова сделалось сухо.

— Вы бы отложили небольшую сумму в отдельный кошелек. Такой увесистый мешочек многих прельстит. Под моей крышей можете не бояться, но в пути всякое случается.

Мягкие слова с ворчащими нотками, почему-то напомнившие о бабушке, отозвались жжением в глазах.

Благодарно махнув рукой, Таша всё-таки поднялась на второй этаж, вертя ключ в пальцах.

Маленькая комнатка оказалась удивительно уютной. Особенно радовали пёстрые ситцевые занавески и фиалки в горшке на подоконнике. Кинув сумку на пол, Таша зашла в ванную; лёгким прикосновением к медному абажуру зажгла светильник на стене, крутанула вентиль, помеченный алым крестом. Тихий щелчок сработавшей магии — и об эмалированное дно раковины плеснулась струя горячей воды.

Когда Таша привела себя в порядок и вернулась в комнату, на столе ждал поднос, взрывающий к потолку горячий дымок. На ужин приготовили куриное жаркое и кружку травяного чая; Таша расправилась с ними наскоро. Снова смазав ладони целительным кремом, прихваченным из дому, рухнула на кровать не раздеваясь.

Уставилась в потолок.

Она никогда не любила ночь. Ночь — время зверей, но люди... днём, в бесконечных хлопотах и заботах, гораздо легче забывать то, что хотелось забыть. Просто откинуть ненужные воспоминания, отмахнуться от них с мыслью, что всегда успеешь подумать об этом потом. Только ночью, когда ты остаёшься один, и нет ничего, кроме четырёх стен, тишины и темноты — всё, от чего ты так долго отмахивался, разом возвращается;

¹ Уважительное обращение к незамужней девушке (*алл.*).

и вновь путает мысли, и травит их тревогой, и распускает в чистом потоке яд страхов и сомнений...

...и наступает *потом*.

В дверь коротко стукнули.

— Да!

Вошла служанка.

— Сон-трава, — дружелюбно сказала девушка, поднеся к кровати глиняную кружку. — Здесь три капли, как раз на пару часов хватит. Я вас разбужу, как просили.

Таша пила настойку маленькими глотками, пока служанка собирала тарелки. Напиток отдавал мятой и мелиссой. Откинувшись на подушку, она молча следила, как девушка, ловко балансируя с подносом на одной руке, идёт к выходу.

Стремительно села, когда натруженные пальцы потянулись погасить единственный светильник:

— Нет!

Служанка удивлённо обернулась на вскрик.

— Нет, — повторила Таша — уже тише. — Оставьте свет.

Та лишь склонила голову, прежде чем аккуратно прикрыть за собой дверь.

Таша вновь легла. Огонёк под бумажным абажуром сиял ровно, но всё равно плыл в её застывших глазах. Может, это всё-таки сон, до жути реальный? Может, проснётся она уже у себя в комнате? Дома... и Лив будет посапывать рядышком, и в воздухе будет витать вкусный запах утренней стряпни, и мама будет напевать что-то на кухне.

Мама...

...и пришло время всех *потом*.

...ты хочешь выкрасть сестру у трёх головорезов, шептал безжалостный пакостный голосок по ту сторону сознания; наивная...

...у тебя даже третья ипостась не проснулась...

...кошка, которая только и может, что царапаться...

Таша закрыла слипающиеся глаза, дыша глубоко и размеренно, гася судорогу в горле.

...глупая девчонка: один неверный шаг, одно неверное слово, и...

...ты одна, никто тебе не поможет, твоя мать мертва...

...мертва, мертва, мертва...

Прежде чем наступила тьма, она всё-таки всхлипнула.

Он шевельнул пальцами, будто перебирая невидимую паутину — картинка трактирной комнатухи растворилась в туманном мареве. Когда в серебристом стекле осталось лишь отражение его лица, отложил зеркальце на стол.

Положив подбородок на скрещённые пальцы, взглянул на каминную решётку: за ней подёргивались тленной серостью умирающие угли.

Фигуры на местах. Игроки на позициях. Подготовка идёт безукоризненно, но дальше... дальше требуется уже истинная виртуозность. Даже несмотря на то, что он знает, как всё будет. Прочитал каждый ход, поступок, решение, и если что-то пойдёт не так (нельзя не допускать такой расклад — он, как и все, имеет право на ошибку, просто цена его ошибок несказанно выше), у него есть все возможности это исправить.

В любом случае он вмешается лишь чуть. И до поры до времени продолжит руководить издали, наблюдать в основном. Но подкорректировать кое-что, самую капелюку... это ведь не нарушит правил.

Остался всего один ход...

Дверная ручка зашуршала осторожно, точно топот мышиных лапок по тафте.

— Входи, Альдрем.

Слуга ступил в комнату тихо и неуклонно. Худой, как жердь, седой, как лунь, морщинистый, как печёное яблоко: квинтэссенция доброжелательного дворецкого, что всю жизнь провёл в чинном подношении постной утренней каши. Из-под тёмного сюртука сверкали белизной кружевные манжеты и вычурный воротник рубашки — лишь чёрные перчатки без пальцев немного выбивались из образа.

— Вы в порядке? — в почтительном тоне сквозила хорошо замаскированная фамильярность очень старого знакомого. — Говорили, что вернётесь днём...

— Решил задержаться. Первые дни самые сложные. Не беспокойся, не повторится. — Он устало потёр слегка ноющие виски: обычный эффект ритуала, к которому ему пришлось прибегнуть вчера и в ближайшее время предстоит прибегать ещё не раз. — Мой морок не выкинул ничего эксцентричного?

— Не более эксцентричное, чем порой выкидываете вы.

— У моей эксцентричности много граней. Если морок про-
явил те, касательно которых окружающие пребывают в счаст-
ливом неведении, тебе предстоит долгая приборка.

— Кровь отмывается легче, чем кажется. Но есть повод
возрадоваться, что морок всегда наследует от вас самую... бла-
гопристойную часть. — Слуга приблизился, и его шаги эхом
отдались от паркета: просторная комната почти пустовала, не-
многочисленная обстановка была скромной до аскетизма. —
Как всё прошло?

Он всегда всё рассказывал Альдрему, даже зная, что тот ред-
ко одобряет услышанное — это лишь добавляло остроты. Когда
нет благодарного слушателя, которому можно всё рассказать,
играть далеко не так весело: просто не получаешь полного удо-
вольствия от того, что делаешь.

Если список развлечений, ещё заставляющих тебя чувство-
вать хоть что-то, сужается до единственного пункта, тонкой ду-
шевной организацией твоего слуги (тоньше, чем ожидаешь от
существа, так сильно побитого такой долгой жизнью) можно
пренебречь.

— По плану.

— Радостное известие. — Невозмутимостью Альдрема мож-
но было колоть орехи. — Значит, теперь... самое интересное?

— Почти. *Самое* интересное я приготовил на финал.

— И вы уверены, что...

— Я знаю.

Слуга склонил голову.

— Отдых вам не помешал бы, — заметил он заботливо.

— Скоро пойду.

— Что-нибудь нужно?

— Подкинь поленьев. И... принеси бренди.

Не кланяясь, Альдрем последовал к двери, оставляя его смо-
треть на догорающий огонь.

Девочка моя, подумал он — почти нежно.

Она не подведёт. Ни она, ни кое-кто другой. Он знает их
достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: оба сделают всё,
что должно, всё, что от них зависит. И вот тогда...

Его губы вновь тронула улыбка.

Да. Тогда — завтра — и начнётся *настоящее* веселье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕМНОГО О ПАЛАДИНАХ

— Я сказала, иди к цвергам!

Застыв у золотистого пунктира, которым на карте обозначены границы, крошечный всадник складывает руки решительным крестом.

— Через Равнину? Подумаешь, как страшно! Ты рыцарь, в конце концов, или кто?

Всадник мотает головой — плюмаж на игрушечном шлеме меланхолично покачивается, — и Таша недовольно поджимает губы. Лёжа на животе поверх одеяла, с высоты дедушкиной (уже своей) кровати она смотрит на карту, разостланную на полу. Керамические куклы разбрелись по ней кто куда: размером не больше фигурок для аустэйна¹, но сделанные со всей искусностью цвергских мастеров. Прекрасная альвийка в шёлковых одеждах, бледнокожий цверг в самодвижущейся вагонетке, красавица-княжна в золотом платье и рыцарь на белом коне — как Ташин Принц.

Вышитая по ткани карта такая большая, что Таша может в неё целиком закутаться: долина Аллигран во всей красе. Три королевства — цвергское Подгорное, альвийское Лесное и людское Срединное, золотым пунктиром поделенное на четыре провинции. Мимо ярких нитей лесов, озёр и речушек вьётся бежевая ленточка Долгого тракта. Бурая подкова гор на юге уступает место морской синеве, та в самом низу обрывается пёстрой полосой Радужных Туманов. Эх, побывать бы однажды на море... хотя ловить в этом море, кроме рыбы, всё равно нечего. А заплывёшь слишком далеко — угодишь в Туманы и пропадёшь навеки.

Будь на карте Внешние Земли, наверное, их бы вышили серым, но на ткани Долину обрамляют только горы. Впрочем, во Внешних Землях одни только жуткие твари и водятся, вроде драконов...

— Хотя бы нашу деревню покажи. — Таша повелительно тычет пальцем туда, где должен быть Прадмунт. — У границы Озёрной с Краинной, рядом с трактом.

¹ Игра, аналогичная шахматам (алл.).

Отсалютовав, рыцарь разворачивается и скачет на север, но прибыть на место не успевает.

— Хватит на сегодня, малыши. — Мама заглядывает в комнату, предварив вторжение коротким стуком, не дожидаясь ответа. — Время к полуночи.

Безропотно скатившись с кровати, Таша подхватывает кукол на руки.

— Всё равно они со мной не считаются, — бурчит она, пристраивая игрушки в шкатулку с четырьмя отсеками. Те не сопротивляются и, вернувшись в футляр, перестают двигаться: уснувшая магия Подземного Народа моментально превращает их в куски простой раскрашенной глины. — Пусть посидят, обдумают своё поведение.

Она не видит, как меняется лицо её матери, когда на губах Мариэль проявляется тонкая улыбка.

— Ты их королева, — говорит хозяйка дома. — Тебе должны повиноваться.

Таша запирает шкатулку на ключ. Водрузив кукольное обиталище на прикроватную полку, скатывает карту.

— Можно мне завтра на озеро? — не поднимая глаз, спрашивает она.

— На озеро?..

— Ребята собрались к Кристальному. Гаст, Лайя и остальные. Меж тёмных бровей Мариэль ложится морщинка.

— Малыши, ты знаешь моё мнение о твоих прогулках с деревенскими.

— Я... мам, я не буду говорить просторечных слов, и манеры дурные у них перенимать не буду, просто...

— Не в этом дело. Не только в этом. — Мариэль прикрывает дверь. Наклоняется поднять с пола сложенную карту, но прежде ласково касается Ташиных волос. — Ты пока не владеешь собой до такой степени, чтобы менять облик исключительно по собственному желанию. Что будет, если ты обернёшься кошкой у них на глазах?

Пока она кладёт тканевый свёрток на подоконник, насупленная Таша поднимается с колен.

— Несправедливо это, — бормочет она, вытягивая из ящичка с бельём ночную рубашку. — Почему я не могу быть просто девочкой, как все? Или чтобы они все были оборотнями?

— Что поделаешь, малыш. Что поделаешь.

Переодевшись, Таша смотрит на мать: будто подозревает, что та произнесла далеко не всё, что хотела бы. Ничего не спросив, вскарабкивается на кровать, чтобы нашарить в изголовье плюшевого зайца.

Кровать слишком велика, а комната слишком проста для маленькой девочки. Вместо резной мебели, которой Мариэль потрудилась заставить детскую — старое дерево без особых изысков, вместо нежно-кремовых стен — безыскусная побелка. Наверное, поэтому Таша никак не может полюбить новую спальню, хотя живёт здесь уже месяц. Когда ты оборотень, а твоя сестра нет (и не должна узнать о твоей не-очень-маленькой тайне), вам лучше жить в разных комнатах. Мама думала переселить сюда Лив, но Таша настояла, что переберётся сама: знала, что сестрёнке здесь будет неудобно. Да и двухлетней малышке уместнее остаться в детской.

Пришлось соврать маме, что бывшая комната бабушки с бабушкой Таше очень даже нравится. И совсем она не боится, что однажды ночью откроет глаза и увидит призрачное лицо деда — такое, каким Таша видела его в этой постели в последний раз, полгода назад, в канун его смерти. Иначе мама переставила бы сюда колыбель без всяких колебаний. Между двумя дочерьми она всегда выбирала старшую.

Впрочем, у папы на этот счёт могло быть другое мнение. Обычно так и бывало.

Странно, что мама не стала дожидаться его возвращения.

— А когда папа вернётся? — говорит Таша, как только Мариэль касается её макушки поцелуем на сон грядущий.

Мама выпрямляется. В том, как она смотрит на дочь, сквозит что-то очень странное, и Таша крепче прижимает к себе зайца, будто игрушка может влить в неё смелость через рыжий плюш.

— Он же говорил, что пару шестидневок у дяди Зоя погостит, а его почти уже два месяца нет. Может, послать за ним кого-нибудь?

Мариэль опускается на край постели — изящно, как и всё, что она делает. Даже нервные движения пальцев, которыми теперь она теревит рукава своего платья, сплетают изящную паутину рвущейся лжи.

— Я должна была сразу тебе сказать, — спустя очень, очень долгое молчание произносит она. — Альмон, он... не приедет.

— Не приедет? Почему? — Мариэль снова молчит, и Ташины руки стискивают зайца так, будто хотят задушить. — Это из-за меня? Папа злился на меня, он... он перед отъездом кричал, что видеть меня не хочет, что я отродье нагулянное, что...

— Нет, малыш. Это не из-за тебя. Только не из-за тебя. — Мариэль рвано, коротко выдыхает. — Альмон просто задержался в пути, прибыл в Нордвуд ночью, и... и в одном из переулков встретился с плохими людьми, и... — глядя в непонимающие глаза дочери, она опускает нервные пальцы на Ташино плечо: точно готовится держать её, когда та наконец поймёт. — Папы больше нет, малыш. Его нет.

* * *

Таша открыла глаза за миг до того, как над её ухом затрезвонил колокольчик. К сожалению, сразу вспомнив, где она — и почему.

— Встаю, встаю...

Когда знакомая служанка, блаженно позёвывая, удалилась, Таша села в кровати. Посидела какое-то время, обняв руками колени, уставившись в полумрак невидящим взглядом.

Вскочив рывком, чуть отодвинула ситцевую занавеску на окне.

За дощатыми крышами, за частоколом Приграничного, за рядком берёз, поникших вдоль Тракта тонкими веточками, ждала Равнина. Казалось бы, просто большое поле, поросшее одуванчиками.

Казалось.

Никто не помнил, как и когда появилась Равнина. Даже альвы. Она была всегда — как Криволесье и Зачарованный Лес, как те леса, где обитали Звёздные Люди, и горы, под которыми жили цверги. Древние, странные, необъяснимые земли, сам воздух которых пропитан магией. Их прозвали Ложными, ибо ничему, что ты видел там, нельзя было доверять. В Ложных Землях всё казалось возможным, но ничто не являлось тем, чем

казалось; людская магия либо вовсе не действовала, либо искажалась, столкнувшись с магией куда более могущественной. Точно о Землях было известно лишь одно — ни одна нечисть и нежить не осмеливалась на них задерживаться. Ложные Земли не держали зла, но говорили, что пришедший на них со злом с ним же там и останется.

Что ж, если это единственный путь, придётся рискнуть. В конце концов, пусть Таша и оборотень, но особого зла за собой не помнит...

Только тут она поняла, что одуванчики заливают Равнину тусклой желтизной — не закрываясь даже в ночи.

Наспех умывшись, Таша смазала лекарством поджившие руки. Перевязав ладони чистыми тряпицами, натянула перчатки поверх; закидывая сумку на плечо, почти тоскливо оглядела комнату, подарившую ей пару часов блаженного забытья.

Первое, что она увидела, когда спустилась вниз, — русоволостую макушку дэя, который любезно беседовал с трактирщиком. Потом дэй обернулся, и Таша замерла в замешательстве: изображение вчера дорисовало ей пожилого брюзгу с брюшком и чётками в пухлых пальцах, но незнакомцу на вид было чуть за тридцать. Ни чётков, ни тяжёлых одежд — серебряный крест, чёрная фортэнья¹ и широкий шёлковый пояс, концы которого почти касались земли.

— Доброе утро.

Голос был учтивым, спокойным, тихим. Лишённым всякого пафоса, окрашивавшим слова дивным певучим выговором. Таша почти видела, как эхо этих слов сияет золотистыми искрами.

Вместо ответа она попыталась опуститься на колени, чтобы поцеловать святейшую руку — привычка, которую прадмунтский пастырь накрепко вбил в головы своей паствы, — но дэй легко удержал её за плечи.

— Не надо. Я же не святой. — Подняв взгляд, Таша увидела, что дэй улыбается. — Меня зовут Арон Кармайкл.

---

¹ Приталенная ряса с пришитой накидкой на плечах, с рядом пуговиц по центру — от середины стоячего воротника до верхнего края юбки (*алл.*).

У него было удивительно привлекательное лицо. Ямочка на подбородке, родинка на щеке, манящее благородство в простоте правильных черт. Зеленоватые лучистые глаза. Таше не раз приходилось слышать про «лучистые глаза», однако в жизни таковых видеть не доводилось: глазам не свойственно лучиться, не отражая лучи извне. Но его глаза *действительно* сияли, в них искрился тёплый внутренний свет, и за этим светом таилось что-то очень... располагающее.

Такому человеку любой без вопросов, с радостью отдал бы свой кошелёк, если б только потребовалось.

— Таша... Тариша Фаргори.

— Фаргори-лэн. — Дэй отпустил её, и Таша потупилась: нечего смущать человека пытливым взглядом. — Позвольте мне сразу перейти к делу.

— Делу?

— Видите ли, я направлялся в Заречную по одному поручению, но по дороге...

— Волки. Я слышала.

— Вот как. Полагаю, вы также держите путь в Заречную?

Таша кивнула, не видя причин скрывать.

— К сожалению, средств на коня у меня нет, а дело моё не терпит отлагательств. Я должен быть в тамошнем Пограничном сегодня, и буду вам очень признателен, если вы согласитесь меня подвести.

От изумления Таша всё-таки подняла глаза.

— Заплачу, сколько потребуется, — смиренно добавил дэй. — В пределах разумного, конечно. А юной девушке опасно путешествовать одной, тем более ночью.

Таша растерянно поправила ремень сумки, норовившей сползти с плеча.

Подвести, значит... только вот с чего он ждал её в непробудную рань? Почему решил ехать именно с ней? Услышал, как она договаривается с трактирщиком? Узнал, откуда она едет? Но трактирщик не будет рассказывать то, о чём запрещает говорить конюху.

А если он заодно с...

— Извините, святой отец, но вынуждена отказать, — ответила Таша чуть резче, чем собиралась. — У меня нет времени на...

Выражение, которым её резкость отразилась на его лице, заставило её запнуться.

Глаза напротив не то чтобы омрачились, нет: не было в них и намёка на мрак, досаду, злость. Просто свет их стал невыразимо грустен — и эта грусть кошачьими когтями прошлась по сердцу.

— Я должна...

...а с другой стороны, почему нет? Принц выносливый. Похитители не торопятся, да и обгоняют её ненамного. Дэй на злодея не похож, к тому же Ложные Земли — не самое подходящее место для злодейств. Вдвоём ехать, конечно, не очень удобно, но как-нибудь справятся. Наверное, для путешественников это нормально, за плату брать попутчиков. Просто Таша не знает. Первый раз странствует, как-никак.

А раз так...

— Хотя, — беспомощно проговорила Таша, — если вы быстро соберётесь...

— Мне нужно лишь зайти за вещами. — Дэй чуть склонил голову. — Сердечно благодарю, Фаргори-лэн.

Таша мрачно следила, как дэй хромает вверх по лестнице: стараясь не обращать внимания на отчаянные крики голоса разума о том, что его хозяйка сошла с ума.

Она была не единственной, кто следил за её новообретённым попутчиком без особого воодушевления.

— Господин Рикон, что вы с ним не поделили? — поинтересовалась знакомая служанка, вынырнув новость отсюда. — Как его завидите, так злее града становитесь.

— Будь я молоденькой девушкой, никуда бы с первым встречным не поехал, — буркнул трактирщик. — Да тем более ночью.

— Так то ж дэй, господин. Они уж точно люди порядочные.

Таша провела рукой по лбу, будто это могло разогнать сонную паутину, опутавшую сознание, стиравшую грань между грёзой и явью. Казалось, Таша так толком и не проснулась. Может, и в самом деле не проснулась?.. Это бы объяснило, почему она взвалила на себя ещё и дополнительную обузу.

Но нет, она не спит.

Осознание этого факта и злость на треклятую сердобольность заставили Ташу досадливо кинуть ключ на стойку.

— Хотя, — добавила служанка, — я к такому дэю на исповедь ни в жисть не пошла бы.

— Это ещё почему?

— Пока каяться буду, в мыслях раз десять согрешу.

Трактирщик только крикнул.

— А что? И лицом хорош, и поджарый, и плечи вон какие, и ряса эта его так обтягивает... и кажется на редкость приличным человеком. Даже для дэя.

— Кажется ей, — горестно заметил старик. — Грешки, тёмные пятна... у каждого есть. Когда их не замечаешь, то их скрывают. Когда их скрывают — хотят казаться не тем, кем ты есть. А когда кто-то хочет казаться не тем, кто... А, бабы! — возвращая ключ на законное место, трактирщик надел колечко на гвоздь так зло, что до Таши донёлся сердитый звон. — Всё равно не поймёте.

Посмотрел на Ташу — с извинением — и сухо велел служанке:

— Марш в комнату. А то отправлю полы драить, раз тебе делать нечего, кроме как болтать.

В молчаливой обиде поклонившись, девушка скрылась в подсобке.

— Счастливого пути, — трактирщик уткнулся в гостевую книгу, — Фаргори-лэн.

Разговор был окончен.

Когда Таша с дэем вышли из трактира, небо лишь начинало предрассветно сереть. Двор окутывала сизая прохлада.

— Подождите, святой отец, я схожу за конём.

— Мне не трудно вас сопроводить.

Пожав плечами, Таша направилась к конюшне, слушая, как шуршат сзади чёрные одежды. Заглянула в длинное здание, удивившее по ноздрям запахом навоза, соломы, лошадей и овса.

Легонько толкнула Шерона, безмятежно спавшего рядом со входом.

— Я уезжаю, — коротко бросила Таша, когда конюший открыл глаза.

До стойла они с мальчишкой шли вместе. Скормив Принцу яблоко, Таша успокаивающе поглаживала жеребца по морде, пока Шерон его седлал; затем повела коня к выходу, где, прислонившись к стене, ждал дэй.

— Госпожа, а карта?

— Ох, точно! — Таша благодарно обернулась: Шерон, нагнав её, радостно размахивал бумажным обрывком. Она протянула руку, однако мальчишка не спешил выпускать листок из пальцев.

— Я вам объясню! По Равнине прямо-прямо поскачете, видите? Там одна только тропа и есть. Выскочить должны у деревушки Потанми, прям у самой границы. Поедете мимо неё по дороге на запад, вот она, и окажетесь прям на тракте. Оттуда до Приграничного пара часов, не больше. Раза в два быстрее доберётесь, чем... Вам помочь, святой отец?

Шерон наконец соизволил заметить дэя.

— Благодарю, — откликнулся тот, — помощь я уже получил.

— Святой отец ждёт меня, — вмешалась Таша, сунув карту в сумку.

— Вас? Зачем?

— Фаргори-лэн любезно согласилась подвезти меня до границы с Заречной.

Шерон уставился на Ташу — глаза конюшего смахивали на зелёные блюдца. Вместо пояснений Таша, отвернувшись, молча вывела Принца на улицу: она и сама знала, что поступает глупо.

Понять бы ещё, почему ей совершенно не хочется брать свои слова обратно...

Приторочить вещи к седлу много времени не заняло.

— Я не хотел бы отсиживаться за хрупкой девичьей спиной, Фаргори-лэн, — мягко вмешался дэй, когда Таша поставила ногу в стремя.

— Принц не любит чужие руки, святой отец. И слушается только меня.

— В самом деле?

— Хорошо. — Таша устало отступила в сторону: доказать наглядным примером всегда быстрее и проще. — Заберётесь — будете править.

Сразу забираться дэй не стал. Вначале, подволакивая ногу, обошёл коня кругом. Чуть склонив голову набок, заглянул Принцу в глаза.

Дружелюбно похлопав непривычно спокойного жеребца по шее, вспрыгнул в седло — полы фортэньи легли на бока Принца чёрными фалдами, открыв чёрные же штаны.

— Фаргори-лэн, вы наговариваете на своего коня, — заметил дэй, протянув Таше руку.

Она промолчала. Только покашляла удивлённо, прежде чем принять помощь и устроиться за задней лукой седла.

Шерон зачем-то провожал их до самых ворот, не переставая настороженно поглядывать на дэя. За частоколом Приграничного лентя тракта круто забирала влево, на запад, обходя одуванчиковую ловушку Ложных Земель. Вдоль дороги грустно шумел берёзовый перелесок. Сама Равнина казалась не такой и большой — прищурившись, Таша могла даже разглядеть берёзы на том конце, тёмными чёрточками таявшие в предугрненной мгле.

— Благодарю, сын мой, — кивнув Шерону, дэй крепче сжал поводья. — Вперёд.

Медленно и осторожно Принц двинулся к Равнине.

Шерон смотрел, как белоснежный конь касается копытами листьев одуванчиков — чтобы миг спустя исчезнуть без следа.

Таша не увидела, как Принц ступил на Равнину. Лишь почувствовала, как ударил в лицо холодный ветер, заставив зажмуриться.

Когда она открыла глаза, всё вокруг тонуло в белёсом тумане.

Принц встал, тревожно всхрипнув. Вязкая белая стена, взявшаяся из ниоткуда, доставала коню до груди. Таша оглянулась, но частокол Приграничного пропал: вместо него стелилось то же вкрадчивое туманное море, скрывая горизонт. Колкий ветер скользил поверх него, не разгоняя, не тревожа.

Если на тракте была предрассветная пора, здесь царила тёмная серость. Не ночь, не утро, не рассвет.

— Это... Равнина?

— Да, — голос дэя был спокоен.

— А где же Приграничное?

— Далеко.

Дэй тронул белую гриву, и Принц послушно потрусил вперёд, постепенно ускоряя шаг.

Стало быть, помимо прочих интересных свойств, Ложные Земли могли к тому же мгновенно перемещать тебя в пространстве... что ж, ясно теперь, каким образом Равнина позволяла срезать путь.

Долгое время тишину нарушал лишь приглушённый стук копыт: туман и невидимые одуванчики скрадывали звуки.

— Фаргори-лэн?

— Да?

— У вас очень... цепкие пальцы.

— Это комплимент?

— Простите, если разочарую, но чистая правда. И это вызывает у меня сомнения, останется ли на моих плечах к концу путешествия живое место. Держитесь за пояс, так гораздо удобнее.

Таша кашлянула: ей и за плечи взяться стоило некоторой заминки.

— Откуда путь держите, святой отец? — спросила она, чтобы поддержать беседу.

Гладкий шёлк пояса выскользнул из-под пальцев. Пришлось обвить талию дэя и сомкнуть ладони в замок, прижавшись к его спине. Понять бы ещё, что в этом смущает больше: столь фамильярная близость с незнакомым мужчиной — или со священнослужителем. Таша привыкла держать дистанцию и с теми, и с друзьями.

Жаль, что ножны с мечом дэй приторочил к седлу. Он их вроде через плечо носит, вот и вцепилась бы...

— Из Озёрной. Я пастырь в деревеньке у озера Ларизэт.

— Ларизэт... это у самых гор, кажется?

— Верно.

Некоторое время Таша терпеливо ждала ответных вопросов.

— Фаргори-лэн, я придерживаюсь мнения, что собеседник сам расскажет то, что хочет и может, — наконец заметил дэй. — Если же он молчит, значит, на то есть причины.

Тонко подмечено.

— Я... из Прадмунта.

— А. Так вы из той самой семьи Фаргори...

— Которые делают тот самый сидр, да.

— Вашей семье и вашей деревне есть чем гордиться.

— Вы бы это нашему пастырю сказали. — Таша зевнула. —

Он так не думает.

Серость, со всех сторон — непроглядная серость. Ни света, ни темноты: только серый цвет, только туман и странные скользкие тени. Сознание тоже туманилось — утопленниками

в памяти всплывали ненужные воспоминания, ненужные мысли, ненужное...

...зачем ты спешишь, зачем едешь туда, шептал тонкий голосок на грани сознания; даже если наёмники будут в том трактире, даже если ты их нагонишь, тебе с ними не справиться, не спасти Лив, не уйти живой...

...и святоша наверняка их дружок...

...глупая, глупая, глупая...

— Осторожно!

Таша открыла глаза в миг, когда дэй поймал её соскальзывающие руки — прежде, чем она успела упасть с коня, — и судорожно вцепилась в чёрный шёлк.

— Вы задремали, Фаргори-лэн.

— Кажется...

Сердце металось перепуганной кошкой в тёмной коробке.

— Расскажите о вашей деревне, Фаргори-лэн.

— Не думаю, что вам...

— Ошибаетесь. Мне *будет* интересно. Я весь внимание.

С другой стороны, разговор — хороший способ прогнать сон. На это он и рассчитывает?..

— Ну... Прадмунт...

— Вы не больно-то жалуете своего пастыря, Фаргори-лэн, — дэй облегчил ей задачу.

— Я не обязана его любить, святой отец.

— А уважать?

Таша помолчала, обдумывая ответ.

Оскорбление церкви и её слуг — богохульство. Оскорбление своего пастыря — тем более. Будь Таша дома, за любые её сомнительные слова последовала бы кара — если бы, конечно, кто-то услужливо донёс о них пастырю; а когда ты бросал эти слова не в кругу семьи, это было почти гарантировано.

Но она далеко от дома, дэй — не их пастырь, и что-то подсказывало Таше, что все её слова останутся между ними двумя.

— Он упивается своей властью. Тем, что может поставить на колени любого, — всё-таки сказала она. — Он просто... фанатик.

— Если он искренне верит в то, что делает, это уже заслуживает уважения.

— Верит? Да это не вера, это...

— Фанатизм — крайность, но крайность прежде всего веры, которая и должна быть в дэе. Если вам встретится один из тех ханжей в рясе, коих, к сожалению, немало... или один из тех, кто пользуется своим положением, дабы вершить отвратительные, страшные дела — с такими же девочками, как вы, или с мальчиками, или с совсем детьми... вы поймёте, что есть вещи похуже фанатизма.

Когда Таша поняла, что она здесь не единственный богохульник, она досадливо осознала, что спутнику вновь удалось лишиться её дара речи.

— Зимой пришлый колдун изнасиловал мою сверстницу, — вымолвила она потом. — А на исповеди наш пастырь советовал ей утопиться. Переродиться, чистой смертью смыв грязь с души. Она говорила.

— Но наверняка кое-кто из селян был согласен, что это едва ли не лучший исход. Нравы деревенских жителей всегда оставляли желать... большей широты. На обесчещенной девушке для них лежит вечное клеймо. Сами знаете.

— И что?

— Представьте теперь, что ждало бы эту девочку в будущем.

Представить было нетрудно: начало этого будущего Таша уже видела.

Косые взгляды. Шёпот за спиной. Жалость. Смех. Презрение. Одиночество — ведь все брезгают взять в жёны «нечистую». Непонимание — ведь ты ни в чём не виновата. Ненависть — ко всем этим *чистым* людям. Уйти — страх, неизвестность и один шанс из ста, что найдёшь своё место; остаться — пустой дом, потрескивание углей в тишине, сводящей с ума, похороны, на которые никто не придёт...

— Так она утопилась? — спросил дэй, когда молчание затянулось.

— Она сбежала, чтобы не позорить семью. И не терпеть такое отношение. Подалась в большой город, думаю.

— Надо полагать, родители не особо рвались её искать.

— Нет. С тех пор её никто не видел.

— Вы знаете, что с ней случилось?

— Нет.

— Тогда не факт, что умереть для неё не было бы лучшим вариантом.

Таша не нашлась, что возразить.

— Пожалуй, — помолчав, сказала она, — лучше поговорить о другом.

Какое-то время ответом ей служила лишь туманная серость.

— Рассвет скоро, Фаргори-лэн, — бросил дэй. — Там будет легче. Поверьте.

И почему кажется, что он говорит не только о погоде? Даже *не столько* о погоде...

Что ж, попугчик Таше определённо попался интересный. И их недолгое путешествие обещало выйти... занимательным.

Когда сквозь серость наконец пробилось солнце, выяснилось, что уже за полдень. С первыми же лучами туман рассеялся, будто его и не было, открыв белые одуванчиковые просторы с сиреневыми крапинками чертополоха. Ветер потеплел и повеял сладким, небо засияло безупречной лазурью — лишь где-то на горизонте дрейфовали ватные кручи облаков, наползая на бледную четвертинку Аерин.

Таша не сразу вспомнила, что из трактирного окна одуванчики выглядели вовсе не белыми.

Она не знала, как дэй умудрился не потерять тропу в тумане, но сейчас они скакали по ней. Тропка была прямой, как натянутая нить, почти столь же узкой, но видной отчётливо — и Ташу это только насторожило. Не так часто путники захаживали на Равнину, чтобы её протоптать.

— Пора сделать привал, — произнёс дэй.

— Я думала, когда мы минуем Равнину...

— Боюсь, к этому времени ваш конь успеет порядком выдохнуться.

— И где тогда... привалимся? — Таша оглядела окружающие просторы: картина была не то чтобы безрадостная, но вот её бескрайность не особо веселила.

— За рекой.

— За какой... а.

Река, казалось, возникла впереди только потому, что её упомянули. Вместе с шумом бегущей воды, которого — Таша

готова была поклясться — до этого не доносилось. Скорее не река, а речушка, через которую кто-то перекинул резной каменный мост коромыслом: под такими в сказках обычно сидели тролли...

Ах да. Никаких троллей. Ложные Земли не держат зла.

Цокот копыт колокольчиком зазвенел по мосту, и Таша увидела, как вода весело струится по камням жидким хрусталём — речка была совсем мелкой, едва ли по колено.

— Мы же хотели сделать привал, — напомнила Таша, когда Принц благополучно порысил по другому берегу.

— Не у самой реки.

— Почему? Мы бы заодно...

— Не стоит пить из реки, текущей по Ложным Землям. Ни человеку, ни коню. В конце концов, здесь ничто не является тем, чем кажется, верно?

Возможно, Таше лишь почудилось по скользнувшей в словах интонации, но у неё возникло смутное ощущение, что дэй видел как раз не реку, а то, что казалось рекой.

В какой-то момент шум воды за спиной пропал — так же резко, как появился.

— А вот теперь привал.

Дэй осадил Принца там, где у обочины дороги примостились два плоских булыжника: больших и круглых, похожих на низкие каменные табуреты. Единственных на всю округу. Откуда они здесь взялись, оставалось загадкой. Впрочем, на Равнине загадок было так много, что Таша уже почти не удивлялась.

Присев на камни, оба поели. Таша сжевала медовую лепёшку, которую выудила из сумки, дэй же — пару пресных из своей котомки. Вида они были не слишком аппетитного, однако даже их поиск довольно-таки затянулся; в процессе дэй выложил на камень буханку ржаного хлеба, и Таша признала, что лепёшки предпочтительнее. Решилась было предложить попутчику свою снедь, но, уже разомкнув губы, застеснялась невесть чего. Прислушалась к тонкому голоску разума, напомнившему, что еда им с Лив и самим пригодится — и, сердито дожевав лепёшку, которая не слишком охотно лезла в горло, скатилась с камня, чтобы растянуться на ковре из одуванчиков.